

МСТИСЛАВА ЧЁРНАЯ

ВЕДЬМА
БЕЗ ЛИЦЕНЗИИ

Мстислава Чёрная
Ведьма без лицензии
Серия «Попаданки с гаджетом»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69784945

0101

Аннотация

Сбежала от жениха? Оказалась в чужом мире одна без документов? Пора познакомить местных сеньор с чудесами косметической магии, самой из дурнушки превратиться в красавицу. А любовь? Любовь будет! Лишь бы бывший жених не помешал.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	47
Глава 8	56
Глава 9	65
Глава 10	71
Глава 11	78
Глава 12	85
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Ведьма без лицензии

Автор: Мстислава Чёрная

Глава 1

– Коля поживёт у тебя, – безапелляционно заявляет мама. – Завтра в десять встретить его на вокзале, а утром, накануне, но ни в коем случае не заранее, пожарь свиные котлетки, как Коля любит. Дорога у него тяжёлая, пусть покушает свеженького и сразу отдыхает. Эй, ты меня вообще слушаешь?!

Да.

Нет.

Я в замешательстве.

– Мам, ты это серьёзно? – единственный вопрос, который у меня получается задать.

– Мира, что это за тон такой? Ты как будто не рада брату?

Я молчу.

К брату у меня отношение... сложное. С одной стороны, он семья, родная кровь, добродушный увалень, таскавший мне из чужого сада незрелые яблоки, от которых я стеснялась отказываться и которые потом тайком выбрасывала. Робкий намёк, что от кислого у меня болят зубы, брат не понимал категорически. С другой стороны, в свои двадцать

пять этот здоровый лоб всё ещё “ищет себя”, перебивается случайными подработками, зато часами готов рассказывать, что вокруг одни дураки, которые не могут оценить его по достоинству, но совсем скоро он проявит себя и добьётся таких высот, что Эверест отдыхает.

Мне двадцать девять, я помощник руководителя в фармацевтической компании. Не замужем. Снимаю однокомнатную квартиру, коплю на покупку собственной “двушки” и стабильно раз в месяц помогаю родителям деньгами.

– Мама, ты помнишь, что завтра среда? – осторожно спрашиваю я. Родители уже на пенсии, им что выходной, что будний.

– И? – похоже, мама всё ещё не видит проблемы.

– В девять я должна быть на совещании, так что встретить Колю в десять я точно не смогу, – объясняю я, хотя дело, конечно, не в этом.

Если честно, для меня величайшая загадка, как мама, неглупая женщина, может искренне считать брата опорой и надеждой семьи. Он же висит на их шеях как пудовая гиря. Зато, в отличие от меня, он долгожданный мальчик. Но с какой стати я должна тащить на себе взрослого по паспорту и здорового по медицинским показаниям мужчину?

– Что значит “не смогу”?! Это твой брат, Мира. Отпросись с работы и позаботься о нём.

Да, конечно. Сначала отпросись, чтобы котлетками накормить, потом уволься, потому что работа мешает стирать бра-

ту носки, сам он не может, не мужское дело домашним хозяйством заниматься. На что будем жить без моей зарплаты – ещё одна непостижимая загадка.

– Мам, он дитя малое? Как спуститься в метро не найдёт?

До сих пор я посылала деньги родителям. Да, я знаю, что тратили они их на Колю, однако это их решение, меня оно уже не касается. Но сейчас происходящее меня очень даже касается. Мама буквально перекраивает мою жизнь в угоду Коле, ставит перед фактом, что брат уже в пути.

Простите, я больше не та безответная девочка. Наверное, по-настоящему безответной я никогда не была, просто не бунтовала по мелочам, а сразу после школы собралась и уехала в столицу, я поступила на бюджет в университет. Мама не одобряла, по её мнению, девушка, чтобы выйти замуж, должна быть не образованной, а работающей. Но зачем мне муж, для которого жена это бесплатная услуга?

Если мама думает, что, поставленная перед фактом, я не смогу отказать, она ошибается. Нет, ссориться и ругаться я не буду, за годы, проведённые в столице, я научилась действовать тоньше, мягче. Я чувствую, как у меня на лице появляется очень неприятная улыбка.

– Мира! – восклицает она.

– Мам, как долго брат собирается оставаться у меня? – обманчиво ласково спрашиваю я.

– Пару недель, пока не устроится, – мама отвечает заметно спокойнее, с нотками удовлетворения. Видимо, она при-

няла мой вопрос за согласие. На то и был расчёт.

– Хорошо, на две-три недели я помогу Коле с жильём. Он у нас умный талантливый парень. Уверена, он быстро освоится и устроится.

Помогу, мне не жалко. Только к себе я Колю не поведу и ключей не дам. Сниму для него дешёвую студию на месяц, а там пусть разбирается: либо устраивается и сам платит за жильё, во что я не верю, либо возвращается домой и кормит родителей сказками о том, как жестока столица к юным гениям. Зная Колю, не сомневаюсь, он до последнего не почешется, а значит, через месяц мне надо удрать в командировку или в отпуск. Как я пущу брата к себе, если меня в городе нет? Никак. Мама, конечно, будет требовать, чтобы я бросила всё и вернулась, но ей придётся смириться.

Мама наказывает непременно пожарить утром котлет. Так и быть, Коля приедет за ключами ко мне на работу. Мы скомканно прощаемся, и я со стоном откидываюсь на спинку дивана, замираю, бездумно уставившись в потолок.

У меня никогда не было близких отношений с мамой. До сих пор я считала, что это из-за меня – когда мама начинала навязывать мне своё мировоззрение, я уходила в глухую оборону и отмалчивалась. А как иначе? Ругаться я не хотела, а спорить не получалось. Все мои возражения разбивались одной единственной фразой – “ты ничего не смыслишь в этой жизни, вот пройдёт время и осознаешь мою правоту, будешь жалеть, но будет поздно”. Постепенно между нами

выросла стена.

У меня будто пелена с глаз падает. Я ведь пыталась, но мама никогда не слушала меня и заранее считала неправой, это она заложила фундамент стены между нами.

Хоть что-то мы сделали вместе...

Я горько усмехаюсь. Но долго киснуть не в моих привычках. Мама, сама того не осознавая, подтолкнула меня пересмотреть приоритеты. Не пришло ли время перевернуть страницу и начать жизнь с чистого листа? Задуматься о чём-то бóльшем, чем успешная карьера? Может, сбежать в кругосветное путешествие или начать собственное дело? Завести новые интересные знакомства, закрутить головокружительный роман или наоборот окунуться в серьёзные отношения? Впрочем, судьбоносные решения я отложу на утро. Главное, что настроение выправилось, и я уже не чувствую себя брошенной и одинокой.

Покрутив в пальцах телефон, я открываю приложение “Литнет”. Приключения вымышленных героев – отличное лекарство от хандры, ведь взрослым девочкам тоже нужны сказки. Приложение загружается, но обзор тотчас перекрывает яркий баннер. Я морщусь, раньше реклама не была столь навязчивой. Впрочем именно по рекламе я нашла немало книг, которые с удовольствием читаю. Ну-ка...

“Душа, желаете отправиться в мир романа “Имя ведьмы из Старого Му” “Система 2.05” установлена. Запустить? Да/нет”

Хм, “Имя...” я читала, очень понравилось, но там эпилог без намёка на продолжение. Автор решилась на второй том? Интересно. Я кликаю по баннеру, но вместо того, чтобы перекинуть меня на книгу, баннер схлопывается. Глюк? На всякий случай я проверяю страницу автора. Второго тома как не было, так и нет. Странный баннер, странный глюк. Я переключаюсь на продю в другом романе. Но, увы, полностью посвятить вечер чтению не получится – нужно успеть найти подходящую студию, куда я завтра скину Колю, чтоб его. И чего ему на диване не лежалось? Неужто наконец-то получил вдохновляющего пинка от папы? Как невовремя...

Выключив телефон, я отмахиваюсь от зазудевшего рядом комара и не сразу понимаю, что это звенит у меня в ушах.

В нос ударяет перцовый запах благовоний. Человек, который их поджог, явно не знает меры. Зажмурившись, я оглушительно чихаю. Откуда в моей квартире эта вонь?!

– Эй, ты меня вообще слушаешь?

Интонации мамыны, голос – нет.

Я распахиваю глаза. Передо мной немолодая дама в светло-сером тюрбане. Серое платье, белая шаль на плечах. Талия перечёркнута поясом, и на нём висят белые перчатки. Дама вольготно устроилась в кресле, локтем опирается на подлокотник и жеманно криви узкие сухие губы. Расслабленная поза не оставляет сомнений – сидит дама уже давно.

Откуда в моей квартире кресло?!

Это... Это не моя квартира!

Глава 2

Яркий солнечный свет золотистыми брызгами дрожит на лакированных створках деревянных шкафов, подсвечивает взвесь бриллиантовых пылинок и дымок над курительницей. От перечного запаха снова свербит в носу, и я чихаю.

– Опять простыла? А я ведь говорила одеваться теплее, – упрекает дама с потугой на заботу, но получается спесиво и самодовольно. Кем бы дама ни была, она мне не нравится.

Хах, курительница будто нарочно поставлена так, чтобы лёгкий сквозняк тянул запах в мою сторону. Сама дама дышит чистым воздухом.

Я обвожу взглядом помещение. Справа книжные шкафы, чуть дальше обустроено рабочее место. Взгляд спотыкается о самую настоящую чернильницу, небрежно оставленную на откидной столешнице приземистого бюро. Непривычно желтеет стопка листов бумаги. Стену над бюро украшает незатейливый пейзаж. Левее выпирает шляпка гвоздика, словно когда-то картина на стене была не одна. Помесь библиотеки, кабинета и гостиной?

Как я могла здесь оказаться?!

– А-апчихи!

Ничего не понимаю... Если бы я заснула или потеряла сознание, то всё можно было бы объяснить неудачной шуткой, розыгрышем, но я лишь на миг зажмурилась. С дивана я точ-

но не вставала. Я провожу ладонью по сиденью. Велюр знакомо щекочет кожу. Я поворачиваю голову. Не знаю, наверное, мне было бы легче, если бы меня украли вместе с диваном. Да, я по-прежнему сижу, но диван тоже не мой. У меня был синий, а этот бордовый и вместо округлой спинки фигурная.

Самое страшное, что рука... тоже не моя. Нет маникюра, ногти подстрижены коротко, да ещё и углами, торчат заусенцы. Форма кисти другая, гораздо более изящная. Я шевелю пальцами. Чужая рука слушается как родная.

– Лейсан, я к тебе обращаюсь.

– Я...

Я никакая не Лейсан.

Облизнув внезапно пересохшие губы, я поворачиваюсь к незнакомке. Её упрёки проходят мимо моего сознания. Я вслушиваюсь в её речь, и понятные слова тотчас рассыпаются в звуковую абракадабру, словно трещит иностранка, а едва я перестаю концентрироваться на фонетике, как снова начинаю улавливать смысл. Так не бывает! Но... так есть.

Должна ли я перебить и сказать, что я не Лейсан?

Я бросаю осторожный взгляд вбок, на руку. Жаль, на стене пейзаж, а не зеркало, не проверить, но я почти не сомневаюсь, что отражение покажет кого угодно, но только не меня. Может, я сплю? Говорят, чтобы проснуться, нужно себя ущипнуть. Я оттягиваю кожу, сжимаю до боли – и ничего. Либо врут, либо я всё-таки не сплю, и окружающая действи-

тельность реальна.

Ещё недавно про перерождение я только читала. Почему я так уверена, что это оно? Не знаю, но уверенность железная. Куда больше странной уверенности меня заботит моя реакция, точнее её полное отсутствие. Я спокойна, и это ненормально. Но даже волевым усилием испугаться не получается, эмоций ноль, зато есть океан равнодушия и море безразличия. Хотя нет – я прислушиваюсь к себе – любопытство и неуместный азарт при мне. Даже не знаю, что хуже “полное выключение” или этот сумасшедший коктейль.

– Лейсан!

А я только понимаю или заговорить тоже смогу?

– Д-да?

– Нексин Всеблагая! Нет, сил моих нет, – дама запрокидывает голову.

Так...

Я, теперь в открытую, подношу руку к лицу, медленно поворачиваю, рассматриваю. И окончательно убеждаюсь – мне досталось чужое тело.

Когда я пять минут назад мечтала начать с чистого листа, я имела в виду совсем не это, слышите?! Мой мысленный крик остаётся безответным. Я горблюсь, прячу лицо в ладонях. К демонам азарт, любопытство и соблазн вместо других стран посмотреть другие миры. Как быстро дама поймёт, что я не Лейсан и чем для меня обернётся её понимание? Заключением в лечебнице для душевнобольных? Костром инкви-

зиции? Я без преувеличения в смертельной опасности.

Мне надо домой... Если бы я понимала, как произошло перерождение, я бы могла искать обратный путь. Но я не понимаю. Я сидела в приложении “Литнет”, мечтала о радикальных переменах в жизни, затем закрыла глаза, а, когда открыла, я была уже здесь. Пробую! Я представляю интерьер съёмной квартиры, стоящую на столике кофемашину, синий диван. Я закрываю глаза. Хочу домой, ну же!

– Лейсан!

Вторая попытка. Я никогда не считала съёмную квартиру своим настоящим домом. Может, дело в этом? Но тогда... всё плохо. Потому что нет места, которое я бы чувствовала родным. Я пробую вернуться к родителям.

– Лейсан!

Ха, чего я ждала? Как можно попасть к родителям в провинцию, если я находилась в столице? Стать призраком? Тогда уж лучше здесь...

Отменить перемещение я не смогу, и от этого надо отгаливаться. Я буду надеяться, искать способ, думать, но прямо сейчас мне нужно сосредоточиться на даме, теряющей остатки терпения. По-моему, она начинает закипать.

Родители... Завтра брат скажет, что я не отвечаю на звонки и мама будет ругаться, потом тревогу забьёт шеф, квартиру откроют и... И не факт, что найдут моё бездыханное тело, отнюдь. Ведь душа Лейсан куда-то делась, да? Логично предположить, что мы поменялись местами. Бедный шеф, с

заменой ему придётся несладко, но в конце концов это проблемы шефа. По-настоящему меня беспокоят только родители. Даже не знаю, что хуже, смерть дочери или её амнезия, приправленная абсолютной сменой личности. Надеюсь, Лейсан им не навредит? Хм, а кем ей приходится эта покрывающаяся красными пятнами гневная дама? Получается, я тоже должна быть аккуратной, не вредить потенциальной родственнице. Наверное, амнезия всё-таки лучше, маме не придётся сожалеть, что ругалась на меня, когда меня в это время уже не стало. И сейчас я ничем не могу им помочь, только надеяться. Пусть отныне рассчитывают на Коленьку.

О чём я думаю? Прощаюсь, наверное. Я почти физически чувствую, как лопается державший меня поводок ответственности.

– Прошу прощения, – извиняюсь я перед дамой. Игнорировать её с моей стороны было грубо.

Знать бы кто она. Важно даже не столько, кем она приходится Лейсан, сколько, как к ней обращаться. Госпожа? Тётя? Марьиванна?

– Нексин Всеблагая... Бирон прав.

– Хм?

Я не представляю, как ещё реагировать на её слова. И то, что дама внезапно успокоилась, мне очень не нравится. Дурное предчувствие.

– Лейсан, я пыталась направить тебя на путь благодати, но, видимо, то была моя гордыня, когда я подумала, что справ-

люсь с воспитанием. Перед отходом ко сну мы вместе будем читать “Поучения”. Главу “О пользе смирения” для меня и “О пользе послушания” для тебя.

Я киваю. Надо же с чего-то начинать знакомство с миром. С книг – безопасно.

– А в чём... прав...? – я нарочно делаю между словами огромные паузы и недоговариваю. Называть неизвестного Бироном я не рискую. Вдруг он важный господин и с моей стороны это будет непозволительная фамильярность? Когда ошибку можно избежать, лучше подстраховаться.

– В том, что надо было выдать тебя замуж сразу, как в возраст вошла, – вздыхает дама.

Что?!

Только не говорите мне, что...

– А-апчихи! – проклятый перец.

– Я твердила ему, что ты не готова. Какая из тебя жена, Лейсан?

– Очень плохая. Никакая! – с готовностью подтверждаю я.

Дама словно не слышит, моё мнение ей совершенно не интересно.

– Бирон над моим упрямством только посмеялся. Говорит, молодую жену должен учить муж и его родители. В строгости учить. А я тебя только балую. Лейсан, когда Бирон с сыном сегодня придут, стой тихо, глаза в пол, постарайся произвести хорошее впечатление.

– З-зачем придут?

– Лейсан, что ты выйдешь за его сына, я давно с Бироном обговорила. Сегодня подтвердим помолвку при слугителе Всеблагой и выберем дату свадьбы. Дня через два-три передам тебя под твёрдую руку Бирона и наконец-то со спокойным сердцем уйду в монастырь.

Глава 3

Что? Нет, что-о-о?!

Помолвка ещё не свадьба, но два-три дня...

– Я против! – мне одной фразы “учить жену сына” достаточно. Он как учить собрался, кулаками и розгами? Судя по тону, очень похоже. В замужестве есть один плюс – чужие люди не заметят перемену в характере. Минусы перевешивают. Не знаю, насколько правдивы заверения, что дама хотела дать Лейсан повзрослеть. Не удивлюсь, если на самом деле она торговалась за приданое.

Дама смотрит на меня очень удивлённо. Лейсан никогда ей не возражала? Вряд ли, иначе откуда жалобы, что у дамы больше нет сил. Хотя нет, жалобы ни о чём не говорят, одно время у нас в компании работал парень, для которого пролитый стакан воды – потоп, а рассыпавшиеся из папки документы – всемирная катастрофа.

– Лейсан, что значит ты против? Не говори глупости. Да что ты вообще можешь понимать?! Бирон глава общины в третьем поколении! Кто лучше него сможет наставлять тебя ежедневно? Капризы, Лейсан, закончились. Когда гости придут, ты будешь вести себя правильно, иначе сегодня же отправишься в храм и до свадьбы будешь думать о своём поведении в одиночной келье.

Ой, ё-о-олки-моталки, как всё плохо. Она действительно

имеет право меня запереть? Пару деньков в келье я потерплю, не это проблема.

– А если я всё-таки против? – упираюсь я. – Я... служителям прямо на свадьбе скажу, что я против!

Меня напрягает спокойствие дамы. То ли она не верит, что Лейсан взбунтуется на людях, то ли мой бунт никак не повредит её планам, и выяснить это лучше заранее, пусть даже для этого придётся приоткрыться. Дама вздыхает, пожимает плечами:

– Лейсан, что я могу поделать? Позорься. Хочешь, чтобы служители тебя прямо на свадьбе воспитывали? Чтобы Бирон с сыном в новый дом тебя не под руки ввели, а, как мешок с мукой затащили? Как к тебе после этого муж будет относиться?

Ответ получен.

Я опускаю голову:

– Я не буду делать глупостей, обещаю, – и я даже не лгу, просто вкладываю в обещание свой смысл.

Кстати, а зачем главе общины понадобилась проблемная невестка? Судя по оговорке, что он советовал выдать Лейсан не откладывая, он заинтересован. Приданое? Или наследство? На ум, кроме денег, ничего не приходит.

Задумавшись, я пропускаю, как в гостиную входит анорексичная девица, остроносая и лупоглазая. Глухое тёмное платье висит на ней будто на швабре, соломенные волосы торчат из-под платка. Девица низко кланяется:

– Сеньора Таэна, сваты идут.

Дама, окончательно позабыв про меня и моё несогласие, стремительно поднимется, но всё же бросает с высоты своего роста полный неодобрения взгляд и скорбно обещает молиться за меня. – Дори, помоги Лейсан привести себя в надлежащий вид.

– Слушаюсь, сеньора.

Развернувшись, дама уходит, но девица не разгибается, пока не хлопает дверь. Я продолжаю сидеть.

– Синьорина Лейсан, пожалуйста, давайте исполним распорядок сеньоры. Синьорина, пожалуйста, не создавайте мне трудностей.

Если встреча со сватами меня не вдохновляет, то принять помощь – это хороший шанс осмотреться, не выдавая своего полного незнания окружающей действительности.

– Ах, делай, как хочешь, – отмахиваюсь я. – Идём! Апчихи!

Девица открывает дверь, пропускает меня вперёд. Наконец-то свежий воздух! Я отступаю к стене и скрещиваю на груди руки, наблюдаю, как Дори захлопывает створку. Ничего интересного, конечно. Я просто хочу узнать, повернёт она направо или налево. Судя по тому, что слуги следуют за хозяевами, у меня намечаются проблемы.

Кажется, налево.

– Синьорина Лейсан?

Вздохнув, я отлипаю от стены. Дори пристраивается за

моим плечом. Благодаря уловке я угадала с направлением, но куда идти? Короткий коридор поворачивает и оканчивается тупиком. По одной стороне четыре одинаковых двери, по другой – окна. Я немедленно выглядываю. До земли далеко, минимум этаж. Вид открывается, увы, не на улицу, а на заброшенный сад и соседний дом. Сам дом ничем не примечательный, похож на приплюснутую коробку. Двухэтажный, облицован весёлым бежево-золотистым ноздреватым песчаником, крыша покрыта красной черепицей. Окон много, балконов нет. Внимание привлекает разделяющий участка забор, точнее территория за ним. Она ухожена, в отличии от “нашей”. Очевидно, что дама – как её, синьора Таэна – от услуг садовника давно отказалась. Жадность или реальные проблемы с деньгами? Если проблемы, то моя теория насчёт приданого разваливается. Хотя... Дама упоминала, что собралась в монастырь. Может, Бирона интересуется дом?

Дори распахивает одну из четырёх дверей, и моему взгляду открывается аскетичная спальня. Сама по себе комната большая, но из мебели только узкая кровать, тумбочка, стул и шкаф, к которому Дори и бросается.

В комнате неуютно...

На вешалках всего два или три платья, одинаково унылые. На мне – я только сейчас обращаю внимание – тёмно-коричневое платье, этакий мешок с рукавами. Я морщусь.

– Скорее, синьорина Лейсан! Синьора расстроится, если мы опоздаем.

– Да, сейчас.

За неприметной низкой дверцей я нахожу... отхожее место? В наличии корыто, несколько пустых вёдер с черпаками, пара кувшинов с водой, мыльные принадлежности, стопка полотенец и ночной горшок. Вот, чтобы при сватах в самый ответственный момент не отвлекаться на естественные нужды, горшком я прямо сейчас по назначению и воспользуюсь. Подумать только, горшком...

Ого!

На дверце висит небольшое, размером с лист бумаги, зеркальце. Хоть увижу, как я выгляжу. Но лучше бы не видела, честное слово. В зеркале отражается лицо, которое иначе, как запущенным, и не назовёшь. Что такое ежедневный уход, Лейсан явно не знала, умывалась простым мылом. Ни лосьонов, ни кремов я не нашла. Про маски и скрабы даже не заикаюсь.

– Синьорина!

А в целом лицо неплохое, обычное. Когда приведу в порядок, станет милостивым. Когда... Сейчас у меня другие проблемы.

– Иду, Дори.

Ох... Пока я знакомясь со своим новым обликом, горшок каким-то чудом самоочистился. Это... магия?! Нет, не стоит спешить с выводами. Если что-то выглядит как волшебство, то это ещё ничего не значит. Электричество для непосвящённого разве не магия?

В любом случае горшки подождут. Я возвращаюсь в комнату. Дори буквально налетает на меня. Я опомниться не успеваю, как она стягивает с меня домашнее платье, подаёт “выходное” серовато-бежевое, но такое же мешкообразное. Волосы – мне достались каштановые и тоже запущенные, с секущимися концами – Дори спереди зализывает, а на затылке стягивает и собирает в сеточку. Пару раз она неаккуратно дёргает, я шиплю, но Дори не обращает внимания, торопится.

Метнувшись к шкафу, она достаёт и подаёт мне башмаки. Нет, ладно бы просто уродливые. Они деревянные! Будто из цельного полена выдолбленные. Я ещё не встав, а только надев, понимаю, что они жутко неудобные. Но я не противлюсь, не время. Я медленно поднимаюсь, одёргиваю подол, привыкаю к ощущениям. Башмаки давят с боков. Похоже, без мозолей не обойдётся.

– Синьорина Лейсан, скорее же.

Ей попадёт из-за моей медлительности?

Кивнув, я выхожу и нарочно спотыкаюсь. Дори подхватывает меня под руку, не позволяя упасть, и я с удовольствием вцепляюсь в её руку:

– Проводи, – распоряжаюсь я. – У меня от волнения голова кругом.

– Да, синьорина Лейсан.

Дори позволяет опираться на неё, пока мы спускаемся на первый этаж. Лестница приводит в просторный залитый сол-

нечным светом холл. Голоса же доносятся из боковой комнаты. Гостиная? Вероятно. Дори без предупреждения вырывает у меня руку и сбегает. Я недоумённо провожаю её взглядом. Ладно, не важно. Я перевожу взгляд на дверь боковой комнаты. Очевидно, что я должна войти, но я ведь не представляю, как здороваться и что вообще делать. Может и правда упасть в притворный обморок?

– Синьорина! – шёпотом окликает меня Дори.

Оказывается, она сбежала не просто так, она притащила гружёный поднос и передаёт его мне. Сухие хлебцы, мёд и чай – что-то ритуальное? Помимо общей посуды, на подносе с десяток пиал.

Я принимаю поднос, и руки почти сразу начинают подрагивать. Дори без лишних понуканий открывает для меня дверь, и сомнениям места не остаётся. Какая разница, готова я или нет? На мне уже скрещиваются взгляды и неприятной сеньоры, и всех гостей.

Я делаю шаг вперёд.

Жрецов выдают белоснежные одеяния. Правее сидит немолодой мужчина в тюрбане, полагаю, Бирон. А парень рядом с ним, должно быть, и есть мой жених. Наши взгляды скрещиваются.

Глава 4

Я опускаю поднос на непривычно низкий стол: по размеру обеденный, а по высоте журнальный. Что сказать, я не знаю, поэтому не говорю ничего, принимаюсь разгружать.

– Когда Лейсан осталась сиротой, я в слепой гордости решила, что смогу её воспитать. Теперь я понимаю, почему Нексин Всеблагая детей мне не дала. Я не смогла быть достаточно строгой, разбаловала, – сеньора пускает крупную слезу.

– Не бери на душу тяжесть не по силам, – строго перебивает жрец. – Ты заботилась о девочке в меру своего разумения. Что, бросить её в приют лучше было бы?

Говорят, как будто меня в комнате нет.

Расставляя пиалы, я почти не скрываясь, рассматривая жениха. Одет неприметно всё в той же тёмно-серой гамме, а сам яркий красавец – голубоглазый блондин, волосы выются. Хоть сейчас отправить позировать на обложку модного журнала. Парень берёт у меня пиалу, одаривает быстрой, но многообещающей улыбкой, особенно выразительной на фоне постных мин остальных. На миг его пальцы задевают мои.

– Разумеется, вы правы, служитель. Бросить девочку я бы не могла.

Я почти перестаю слышать, о чём говорит сеньора со сватами, я смотрю на руку парня. На левом мизинце не хватает

двух фаланг. Странное совпадение – в романе, который я вспоминала перед тем, как стала Лейсан, был персонаж без двух фаланг на мизинце, тоже голубоглазый блондин. Я хорошо запомнила – парень спустил в карты всё, что у него было и в надежде отыграть хоть что-то поставил на кон палец. Но блондин из романа был азартным игроком, а этот достойный сын главы пуританской общины почитателей Всеблагой Нексин. Опять же, ни община, ни Бирон, ни сама Лейсан в романе не упоминались. Хм...

Отступив на шаг, я замечаю жест жреца и подаю ему мёд. Он обмакивает в него хлебец и принимается смачно хрустеть. Янтарные капли падают на столешницу. Я отмечаю, что за столом места для меня не оставили, да и пиал не осталось. Значит, я от и до в роли прислуги.

В беседу вступает Бирон:

– Девочка вошла в возраст, и держать её при себе вечным ребёнком мне кажется неправильным. Ей пора стать молодой женой, повзрослеть, войти в новую семью. Служитель?

– Одобряю.

Даже не сеньора на правах опекуна решает?! Как жрец скажет, так и будет?! У сеньоры при взгляде на поедающего мёд жреца выражение лица становится туповато-восторженным. Что бы жрец ни потребовал, возражать она не будет, а жрец, уверена, говорит то, о чём его попросил Бирон. Плохо-плохо-плохо, как же дело плохо. А времени разбираться и искать мирный выход из брачной ловушки мне точно не

дадут, я уже поняла настрой Бирона.

И он не заставляет себя ждать:

– Для меня Майла как родная сестра, я буду счастлив породниться и принять в семью Лейсан.

А кто такая Майла? Видимо, Бирон называет сеньору Таэну по-свойски.

– Одобряю, – кивает жрец. – Лейсан нужна твёрдая рука. Войти в семью главы общины для любой девушки большое счастье, Лейсан очень повезло. Майла, согласна?

– Всё, что советует служитель – правильно! – кивает сеньора, аж тюрбан от усердия трясётся, того гляди на нос съедет.

– В таком случае не станем затягивать и отнимать у служителя драгоценное время. Сеньора Майла Таэна, я, Бирон Грушич, прошу руки вашей подопечной племянницы Лейсан Далис для моего младшего сына Фирса Грушича.

Как-как?!

Но это же имя из романа... Нет, таких совпадений не бывает. Получается, мой жених не только лицемер но и превосходный лицедей? Чтобы прятать страсть к азартным играм под маской благочестия нужен особый талант. Он и отца ухитряется держать в неведении? Или Бирон в курсе и поэтому выбрал сыну жену-сиротку. Настоящей Лейсан бежать за помощью не к кому. Не к жрецам же.

Но разве можно попасть в мир авторского романа? Значит, можно. И это отличные новости на самом деле! Теперь

я хоть немного представляю, в каком мире очутилась. И да, здесь есть настоящая магия.

– Я, Майла Таэна, согласна передать руку моей подопечной племянницы Лейсан Далис Фирсу Грушечу, сыну Бирона Грушеча.

Жрец опускает недоеденный хлебец в розетку с мёдом, воздевает ладони к потолку:

– Нексин Всеблагая, благослови!

В ответ раздаётся мелодичный перезвон, и сеньора промакивает очередную слезу. Жених мимолётно морщится, но я успеваю заметить его гримасу.

– Я настаиваю на свадьбе послезавтра, – объявляет Бирон. – К чему откладывать?

– Согласна. Служитель, вы давно знаете о моём горячем желании стать монахиней. Сразу после свадьбы детей я со спокойным сердцем смогу отправиться в монастырь.

– Одобряю, Майла.

– Спасибо, служитель. Всё моё скромное имущество я передаю храму. Что касается наследства Лейсан, то оно станет её приданым и будет передано Бирону Грушичу, как главе её новой семьи.

Жрец степенно кивает и знаком показывает мне убрать со стола. При себе у него писчие принадлежности и несколько листов бумаги. Макнув перьевую ручку в чернильницу, он начинает быстро писать. Я собираю посуду. Унести её или остаться в комнате? Сомнения разрешает жрец точно также

знаком подзывающий меня к себе. Как собаку, на которую даже слово потратить жалко.

Я сдерживаю кипящее негодование, подхожу.

Жрец делает хватательное движение. Можно подумать, что он ловит в воздухе видимую ему одному блоху. Между его сжатых в щепоть пальцев вспыхивает искра, и жрец тотчас стряхивает её на бумагу. Хорошая новость – читать я тоже умею. Искра падает на документ рядом с моим именем и превращается в радужную кляксу. В романе описывалось, что таким образом на документах сохраняют отпечаток ауры.

– Фирс.

Мой жених послушно протягивает руку, теперь радужный отпечаток добавляется и напротив его имени. Но если в моём преобладают бледно-золотистые оттенки, то в его – насыщенные синие.

Жрец ставит на документ печать – прикладывает кольцо. Я мрачно наблюдаю, как, закончив, жрец передаёт документ Бирону. Я прочитала далеко не всё, но и прочитанного хватает, чтобы понять – только что было оформлено не брачное соглашение, а передача прав на меня и моё имущество.

– Нексин Всеблагая, благослови! Бирон, я верю, что ты поможешь Лейсан встать на путь исправления. Майла, ты исполнила свой долг. Я лично приду проводить тебя в монастырь. Я буду молиться, – жрец поднимается.

За ним поднимаются остальные жрецы, за всё время не проронившие ни слова и старательно изображавшие исту-

канчиков.

Сеньора буквально вскакивает:

– Служитель, не откажите, примите скромное подношение.

– Служа душой, не следует осквернять себя стяжательством.

– Не откажите, служитель, – подхватывает Бирон. – Примите простой мёд.

– И зерновые хлебцы, – добавляет сеньора.

Жрец склоняет голову:

– Скромную пищу мы примем.

Сеньора достаёт из шкафа накрытое платком блюдо. В овальной тарелке и вправду лежат самые простые да ещё и подсохшие хлебцы, еда даже не бедняков, а последних нищих. Младший жрец без колебаний забирает хлебцы вместе с батистовым платком, вместе с тяжёлым блюдом, если не ошибаюсь, из чистого серебра.

Бирон передаёт в дар небольшой бочонок, инкрустированный драгоценными камнями. Я не особо разбираюсь в ювелирке, но логика подсказывает, что россыпь синих и красных кристаллов отнюдь не стекляшки.

Я сдерживаюсь, отступаю к стене.

Сеньора и Бирон вместе уходят провожать жрецов. Я мысленно выдыхаю – ещё немного, и я бы взорвалась, а этого делать не стоит. Наказание в одиночной келье меня к свободе не приблизит, так что спокойнее... Надо собраться, вспом-

нить всё, что я читала об этом мире, тщательно продумать план спасения себя любимой и действовать.

Фирс не последовал за всеми. Прикрыв дверь, он остаётся в комнате со мной наедине.

Глава 5

Не зря я вспоминала модные журналы. Фирс взмахом руки проводит по пушистым кудрям, жест будто в лучших модельных школах отработан. Фирс улыбается. В изгибе пухлых губ чудится что-то порочное.

– Приличные девочки наедине с мужчинами не остаются.

А если бы я убежала, он бы сказал, что приличные девочки гостей не бросают? Копившаяся злость поднимается жаркой волной. Страх нет. Не думаю, что Фирс нападёт, когда жрецы через стенку от нас. Гораздо большую уверенность в меня вселяет ваза под рукой.

Я склоняю голову к плечу:

– А приличные мальчики не проигрывают в карты пальцы.

Блондин вмиг вылинял.

– Тебе никто не поверит!

– М? Между прочим ставкой в нашем маленьком споре станет репутация семьи Грушич. Ты готов рискнуть?

Он оскаливается:

– Чего ты хочешь?

– Нам не по пути. Жена с таким характером как у меня это вечная головная боль для мужа.

– Ха, неделя послушания при монастыре лучшее лекарство от характера! Старая дымилка тебя за порог не выпускает. Про карты ты от неё слышала? Или швабра языком моло-

тит? Взашей уволю. Говоришь, в городе вот-вот пойдут слухи? Спасибо за предупреждение. Моя дорогая невеста, зачем ждать? Почему бы нам не отправиться в храм прямо сейчас? Служители не могли уйти далеко. Отец!

Не на такой эффект я рассчитывала.

– Майла, прости моего порывистого сына.

– Ничего-ничего, накануне свадьбы волноваться естественно. Уверена, ты научишь детей сдержанности.

Фирс так и оставил дверь приоткрытой, я прекрасно слышу их разговор, но раздаются шаги и наступает тишина. Я выглядываю в щёлку. Сеньора отошла в сторону и разжигает курительницу. Сын с отцом шепчутся. Фирс жестикулирует, Бирон озадаченно гладит подбородок.

Я разубаюсь. После деревянных колодок оказаться босиком блаженство.

– Майла, мой несдержанный сын только что признался, что задержался рядом с Лейсан.

Сеньора оборачивается и грозно сводит брови:

– Оставаться наедине с невестой недопустимо.

Бирон кивает:

– Это так. Фирс виноват и дома будет строго наказан, но он не хотел нарушать приличия, он заметил, что Лейсан злиться. Она... против брака.

– Бирон, к сожалению, Лейсан глупа и не осознаёт своего счастья.

Сеньора быстро теряет боевой настрой, зато Бирон пере-

ходи в наступление:

– Вот именно! Фирс задержался, потому что боится, что Лейсан сделает какую-нибудь глупость. Майла, помнишь скандал с дочерью бакалейщика? Дурочка тоже не смогла оценить, какое благо для неё сделали.

– Она, кажется... утопилась? Ох, Лейсан!

– Майла, я очень беспокоюсь. Чтобы Лейсан точно ничего не успела сделать, я предлагаю отправиться в храм незамедлительно.

– Но я собиралась подготовить Лейсан, дать ей последнее напутствие...

– Майла, важнее провести вместе лишний вечер или жизнь девочки?

– Жизнь, разумеется, жизнь!

Бирон кивает:

– Фирс, беги к жрецам, предупреди, что мы идём.

– Слушаюсь, отец!

– Ох, Лейсан! Лейсан, скорее, иди сюда! Лейсан!

Бирон крупный мужчина в расцвете сил. Ему меня скрутить всё равно что муху прихлопнуть. Я не сомневаюсь, свяжут и потащат с кляпом в зубах, а то и без. Мои протесты никому не интересны.

Из комнаты выход только в холл. И если сеньора дрожит и плачет, то Бирон неотвратимо приближается. Сыграть на ловкости? Я просто не успею мимо него проскочить. А если и успею, то куда бежать? Догонит. Разве что на второй этаж

рвануть, но там я окажусь в ловушке.

Я, не скрываясь, с грохотом закрываю дверь, заклиниваю ручки ножкой стула. Надолго преграда Бирона не сдержит. Я хватаю облюбованную вазу, бросаюсь с ней к окну, бью по стеклу.

Двери дёргаются с надсадным треском.

Стекло разлетается. Из рамы хищными зубьями торчат застрявшие треугольные осколки. Не пролезть – острые грани на лоскуточки порежут.

Я остатками вазы сбиваю самые крупные.

Оглушительный треск. Сдаются дверные ручки.

Бирон распахивает створки, стул от удара отлетает. Бирон бросается к окну выглядывает и с руганью перебирается через подоконник. До угла дома всего несколько шагов. Я вполне могла бы успеть скрыться. Бирон это понимает, поэтому не теряет ни секунды. За углом он меня не видит, но это значит лишь одно – я нырнула в укрытие и нужно меня найти как можно скорее, пока семейный скандал не стал горячей новостью всего города. Уважаемому главе общины превращаться в шута противопоказано.

Ищи, Бирон, ищи. Я осторожно выбираюсь из-за шторы, за которую юркнула в последний момент.

И опускаю взгляд на свои босые ноги. Я уже примерно представляю, что нужно делать.

Я крадучись выхожу в холл, замираю. Курительница чадит. Сеньора размазывает по щекам слёзы, бубнит молит-

ву. Её лицо потеряло остатки привлекательности, распухло, пошло красными пятнами.

От перца засвербело в носу:

– А-апчихи!

Сеньора вскидывается:

– Жестокая девочка, так ты мне отплатила?

Я смотрю на неё, и злость пропадает. Образ самоуверенной дамы разметался как тот самый дым. Передо мной глубоко несчастная одинокая женщина.

– Мне жаль. Возможно, вы выдаёте меня замуж за Фирса из самых лучших побуждений, но это именно мне с ним жить. Я не могу позволить вам разрушить моё будущее. Но я желаю вам прийти к миру с самой собой.

Я взбегаю на второй этаж.

На вершине лестницы меня настигает крик Бирона. Быстро он сообразил...

Я вламываюсь в свою комнату, сую ноги в первые попавшиеся ботинки, ужасно расшлёпанне, зато удобные как тапочки – с непривычки босиком далеко не убежать, так что проблема обуви была на первом месте. Мимоходом я срываю с вешалки пару платьев, скручиваю комком. Со стороны лестницы топот. Бирон хоть и крепкий мужчина, но не молод, форму вряд ли поддерживал, да и забег для него даром не прошёл. Бирон поднимается медленно, с одышкой.

– Вер-нись и попро-си прощения, Лейсан, – грозный тон ему не удаётся.

Сеньора стоит внизу и беспомощно ждёт развязки.

Одним платьем жертвую – набрасываю Бирону на голову. Сеньора вскрикивает, решительно встаёт на нижнюю ступень, раскидывает руки.

Уверена, я смогла бы проскочить, но толкать женщину в мои планы не входит, да и на втором этаже дела не закончены. Снизу сеньоре не видно. Пока Бирон стягивает с головы подол, я скрываюсь в библиотеке – продолжаю игру в прятки. Надеюсь, он не сразу поймёт, которой из дверей я хлопнула.

Я бросаю оставшееся платье на пол, загибаю лиф с рукавами, завязываю края узлами, и у меня получается сомнительный мешок. В ящиках бюро я нахожу лишь канцелярские принадлежности. Надежда на конверт с деньгами не оправдалась.

В коридоре тяжёлые шаги.

Я хватаю с этажерки пару бронзовых подсвечников, бросаю их в свой импровизированный мешок. Дверь распаивается, в библиотеку врывается Бирон. Я вжимаюсь в стену и перестаю дышать. От его взгляда меня прикрывает лишь створка.

– Ты поймал её? – окликает сеньора. Похоже, она поднялась следом.

Бирон не отвечает. Его не могла не привлечь сбита со столика курительница. Я специально толкнула её так, будто она упала, когда я пряталась за диван. Бирон медленно про-

ходит вперёд. Он подозревает подвох? Тянуть нельзя, и я решаюсь, бросаюсь прочь. Шею обдаёт ветерком – если бы я заранее не наклонилась, Бирон бы меня поймал.

– Стой, дура! Запору! – орёт он.

Я подныриваю под руку сеньоры:

– И ведь правда забьёт насмерть, – бросаю я ей. Вдруг прозреет?

Едва не ломая ноги, я скатываюсь по лестнице. Я не рискую проверять, открыта входная дверь или заперта, да и Фирс вернётся в любой момент. Уйти через разбитое окно надёжнее.

– Лейсан! – кричит сеньора.

Я спрыгиваю с подоконника. Приземление выходит неудачно жёстким, правая нога отзывается болью. Тело мне досталось хоть и юное, но весьма слабое.

– Лейсан!

А это уже Фирс – плохо!

Бегу прихрамывая.

На улицу точно нельзя – поймают. В саду – ещё хуже.

– Лейсан!

Глава 6

Штакетник металлический, между вертикальными планками протиснется кошка.

Подпрыгнув, я цепляюсь за верхний край, упираюсь мыском в поперечную перекладину и подтягиваюсь. Воробьям таким забором только сместить. Наверное, город тихий, забор лишь показывает границы приусадебных участков, но по-настоящему не защищает.

Спуститься труднее, чем забираться. Я повисаю, спрыгиваю. Нога вновь отзывается болью, но я бегу. Оборачиваюсь – сеньора и Бирон маячат в оконном проёме, Фирс остановился у штакетника.

– Лейсан, вернись! Давай поговорим?

Конечно!

То, что Фирс меня больше не преследует хорошо и плохо одновременно. Хорошо, потому что я получила фору, и плохо, потому что я не знаю, чем закончится, если хозяева сдадут меня страже. Тюрьма? Но пока ни хозяев, ни слуг...

По спине пробегает озноб, и вспыхивает острое чувство ужаса – я совершенно одна в чужом незнакомом мире делаю что-то очень похожее на преступление. Ужас гаснет быстрее, чем вспыхнул, и мысли возвращаются в практичное русло. Чем быстрее я выберусь, тем лучше. Только куда? На улицу выходить боязно. Открытое пространство, по обе стороны

дороги частные дома. Я могу ошибаться, но первое впечатление – меня окружает тихий жилой квартал, где схватить меня легче лёгкого.

В кустах у изгиба садовой дорожки шорох сменяется шипением. С пронзительным писком вспархивает серая пичуга. Ветки куста раздвигаются, и на дорожку выступает упитанный кот. Смерив меня взглядом, кот переходит мне дорогу и исчезает за клумбой. Я провожаю его тихим ругательством, осматриваюсь.

Я выбираю заднюю калитку – надеюсь уйти дворами. Ни Фирс, ни Бирон, по идее, не должны ориентироваться в проходах, которыми пользуется прислуга.

Чужую территорию удаётся покинуть беспрепятственно, но я не расслабляюсь. Уверена, меня ищут, а значит, надо хромать между дворами, петлять, запоминать ориентиры и не думать о том, что мой спонтанный побег чистое безумие. Невольно вспоминаю, как после школы я хотела продолжить учёбу, мама была против, и я сорвалась под вечер. Тогда я несла сумку со сменным бельём, немного денег, документы и билет на поезд, никто меня не ловил. Сейчас я тащу два бронзовых подсвечника, завёрнутых в платье, на хвосте погоня, в перспективе туман, а в лицо точно также дует холодный ветер, небо хмурится, собираются серые кучевые облака..

Выбравшись на оживлённый проспект, я наугад выбираю направление. После пустых улочек, пёстрая суэта оглушает,

и я, засмотревшись на яркие платья, цветастые вывески, сошедшие с исторических гравюр экипажи, едва не врезаюсь.

– Эй, серая, смотри куда прёшь, – долговязый детина сплёвывает на мостовую и демонстрирует мне дырку на месте переднего зуба.

– Извините, – я пытаюсь обогнуть его. Ссора с незнакомцем в мои планы точно не входит.

– И в обморок не упадёшь? – поражается он.

– Ради тебя, так и быть, упаду, если чистый плащ на грязный тротуар постелишь и для мягкости добавишь подушек, – дай мне уже пройти, а?

Мой ответ парню настолько понравился, что он расхохотался:

– А ты точно серая?

– Дружище, подскажи мне ближайший более-менее надёжный ломбард?

Я не уверена, что в ломбарде примут подсвечники, но к старьёвщикам я пойду в последнюю очередь.

Детина озадачивается, скребёт в ухе:

– Все ломбарды дрянь. Вон, через дорогу оценщику свои серёжки покажи. Только где ты их прячешь, гы? – верзила почему-то пытается найти их у меня в районе груди, и я впервые радуюсь мешковатому платью.

– Спасибо, – хмыкаю я.

У меня, конечно, не серёжки, но почему бы и не спросить? Не даёт мне покоя гвоздик на стене в библиотеке...

Перейти дорогу то ещё приключение. Ни про зебр, ни про светофоры здесь не слышали. Приходится перебегать, молясь избежать лошадиных копыт.

– Эй, серая!

Возвращаться к детине я точно не собираюсь.

– Я не “эй”, – машу я на прощание и прибавляю шаг.

Вывеску я заметила почти сразу.

Оценщик принимает в небольшой пристройке с торца двухэтажного здания, домов выше я пока не замечала. Тесное помещение встречает меня свистом флейты. За конторкой грузный мужчина, оплывший настолько, что похож на недожаренный блин. Раздувая бульдожьих щёки, он со всей силы дует, но звуки, которые у него при этом получаются, ничего общего с музыкой не имеют, однако господин Круглый Блин увлечённо продолжает и ни капли не смущается.

Я подхожу ближе и молча выставляю на конторку подсвечники.

Мужчина прерывает игру, откладывает флейту:

– Синьорина, скажите на милость, зачем вы пачкаете мой прилавок хламом?

Я ошиблась? Неужели шляпка гвоздя в стене библиотеки подарила мне ложную надежду?

– Сеньор, разве вы не оценщик? Даже у хлама есть цена.

– Вздор какой! – вопреки своим же словам господин Круглый Блин придвигает подсвечники ближе и осматривает, сперва бегло, затем внимательнее, через лупу. – Что же

вы сразу не представились, синьорина Лейсан?

Желудок сводит. Я сглатываю ставшую вязкой слюну. Господин Круглый Блин опускает лупу и поднимает на меня взгляд. Я с трудом выдавливаю улыбку и пожимаю плечами. Ни к чему не обязывающий жест, который может нести в себе глубокий смысл или не значить ровным счётом ничего.

Господин Круглый Блин укоризненно вздыхает и возвращается к изучению подсвечников. Вроде бы он ничего не заподозрил. Я переступаю с ноги на ногу, жду. Время словно нарочно замедлило свой бег, стрелки на круглом циферблате едва ползут.

Я отхожу к окну, опираюсь на нагретый солнцем подоконник. Городская суэта за стеклом действует успокаивающе. Я присматриваюсь к прохожим – мне интересно всё: одежда, причёски, манера двигаться, много ли девушек без сопровождения и насколько уверенно они держатся.

– А?! – вырывается у меня.

Через дорогу мелькнул кудрявый блондин. Фирс это или кто-то другой, я не рассмотрела, отпрянула. А если сеньора заметила пропажу подсвечников и догадалась, что я их продам?!

– Синьорина? Что-то случилось? Вы бледны.

– Женщину чуть не сбил экипаж, – вру я.

– К сожалению, часто случается. Синьорина, я готов забрать подсвечники по той же цене, что и предыдущую пару. Как я уже объяснял сеньоре Таэне, если бы она сразу отдала

весь набор из шести предметов, я бы заплатил больше, но она предпочла приносить по частям...

– Понимаю.

Это получается, что, получив опекунство, сеньора принялась распродавать “начинку” чужого дома? Сомневаюсь, что деньги от продажи наследства Лейсан лежали на банковский счёт, скорее, жертвовались храму. Я не настоящая Лейсан, но чувствую себя обкраденной.

Пока я размышляю, господин Круглый Блин запирает подсвечники в шкаф, а затем отсчитывает триста двадцать шесть глиотов, из них триста двадцать в банкнотах. Я пытаюсь сообразить, много это или мало. В романе “Имя ведьмы из Старого Му” глиоты упоминались. Но разве я запоминала такие мелочи? Хм, помню, что в основном героиня расплачивалась монетами, купюра ей понадобилась, когда она покупала котёл.

Я хочу забрать деньги.

– Синьорина Лейсан, с сеньорой Таэной всё в порядке? Она приходила всегда без вас и повторяла, что деньги возвращают неокрепшую духовно молодёжь.

Я касаюсь купюр подушечками пальцев, но забрать не могу. Господин Круглый Блин слишком крепко сжимает. Попробую вырвать – только порву.

– Я передам тётушке, что вы беспокоились о ней, сеньор. Тётушка будет тронута! – от приторности меня внутренне передёргивает, но я продолжаю лить сироп. – У нас произо-

шло счастливое событие. Тётушка одобрила мой брак с сыном сеньора Бирона Грушича. Хотя искус и соблазн суть денег, как будущая молодая жена, я должна научиться справляться, поэтому тётушка отправила меня к вам.

Лишь бы не заметил очевидный ляп. Если бы меня действительно отправила сеньора, она бы сказала, как оценщика зовут, а я ни разу не обратилась к нему полностью по фамилии.

– Вот как.

Понимаю, что он что-то подозревает. Я спокойно киваю, смотрю ему в глаза.

Наконец господин Круглый Блин ослабляет хватку. Старательно скрывая облегчение, я забираю купюры и монеты.

– Поздравляю с надвигающейся свадьбой, синьорина.

Поблагодарив, я покидаю тесное помещение – раунд за мной. Мне бы радоваться, что я на первое время решила денежную проблему, но я чувствую лишь беспокойство. Тот блондин Фирс или не Фирс? Среди прохожих слишком много светловолосых, чтоб им всем облысеть.

Пока я была в лавке, погода подпортилась. С неба сыпет морось, похолодало. Распахиваются первые зонтики. Я зябко передёргиваю плечами, оглядываюсь. Может, уйти во дворы? Впереди мужчина, фигурой похожий на Бирона. Он удаляется, и со спины не разобрать.

Я подхожу к замешкавшейся женщине:

– Доброго дня, сеньора. Простите за беспокойство.

– Чего тебе?

– Я заблудилась. Пожалуйста, скажите, как пройти к вокзалу.

– Тебе туда, – неопределённо отмахивается она.

Подсказанное направление – вслед за похожим на Бирона мужчину

Пройдя пару зданий, я задаю тот же вопрос другой женщине.

– Прямо иди. Круглую башню же отсюда видно. Как ты заблудилась?

– Спасибо.

Вокзал ближе, чем я ожидала. Так бы и припустила, тем более дождь начинается всерьёз, укрыться бы от воды под крышей. Но я продолжаю осторожничать, снова высматриваю непонравившегося мужчину. Он как раз поворачивает к башне, оказывается ко мне не затылком, а боком. Бирон, чтоб его. Я не ошиблась – это он.

Сомневаюсь, что он внезапно сорвался в поездку, а значит, на вокзал он пришёл по мою душу.

И мне не скрыться. Я примерно представляю, как может выглядеть вокзал изнутри, в здании разминуться с Бироном точно не получится. Роман “Имя ведьмы из Старого Му” начинался приездом главной героини в город. На вокзале с ней случается первая неприятность – воришка убегает с её дорожной сумкой, и героиня остаётся без вещей и документов. Да-да, лишнее напоминание, что документы в этом мире

важны и что у меня их тоже нет, правда, по другой причине.

С неба падают первые крупные капли.

По внутренним ощущениям проходит около четверти часа. Бирон покидает вокзал. Он поднимает лицо навстречу дождю. Не похоже, что ему нравится погода. Зонта при нём нет. Решит всё-таки пересидеть под крышей? Бирон утирает лицо платком, поднимает воротник и поворачивает обратно – он ещё меня не замечает, но идёт он прямо на меня.

Глава 7

Нырнув за угол кондитерской, я огибаю здание и выхожу у Бирона за спиной. Я не тороплюсь, выжидаю, когда он уйдёт достаточно далеко, чтобы не попасться. Удачно, что вокзал на “моей” стороне.

Высоченная дверь, словно рассчитанная на великана, поддаётся с натугой. Я вхожу, оглядываюсь. Зал, как я и представляла, разделён надвое железной решёткой. По ту сторону перроны, пропускают на них строго по билетам. Для грузов есть ворота, для пассажиров вроде меня – калитка. Но сейчас проходы заперто наглухо, охраны нет.

На вокзале вообще никого, лишь за кассовой стойкой моя ровесница развлекает себя вышивкой. Я не спешу к ней подходить, продолжаю осматриваться. Я была права – спрятаться негде, зал как на ладони. Вдоль стены тянутся лакированные лавки. Из интересного – статуя. Каменный старик горбится на возвышении. Одной рукой он цепляется за сучковатый посох, другой рукой придерживает лямку съехавшего набок дорожного мешка. У ног старика лежит буханка хлеба, не каменного, а ржаного и очень даже свежего. Кто-то сделал покровителю странников подношение.

Осматривать больше нечего, и я подхожу к кассе, каждый шаг гулким эхом отражается от стен.

– Доброго дня, синьорина, – приветствует меня девушка,

но пядьцы не откладывает, и из-за этого возникает сходство с Блином-флейтистом.

– Доброго. Я так и не нашла расписания.

– Расписания? – переспрашивает она, будто я требую у неё учебник по ядерной физике.

– Именно так, – киваю я.

Девушка на секунду задумывается:

– Но его все и так знают... В монастырь Скорби легче всего добираться из Карта, приходите завтра к полудню.

– Я тороплюсь и, возможно, поеду с пересадками. Какой рейс ближайший? В любую сторону.

– Через, – девушка нехотя поднимает взгляд на часы, – четыре с половиной часа. Но это до столицы, в обратную сторону. Синьорина, в конечном счёте вы напрасно потеряете время.

Хах, мне совершенно не нужен монастырь! Виновата недалёкость девушки или серость моего платья?

– До столицы какие-то остановки будут?

– Синьорина, да зачем вам это? Просто подождите, так будет быстрее всего. Остановки будут в Гебсе, в Ойохо, в Старом Му...

Названия я пропускаю мимо ушей.

– Один билет до столицы.

В романе говорилось, что междугородние поездки недороги, стоят примерно как два-три найма извоза, и лучше я переплачу за билет, чем оставлю подсказку, где меня искать.

– С вас три четверти глиота, синьорина.

Я выкладываю на стойку монету, взамен получаю билет и сдачу, отхожу в сторону.

На месте Бирона я бы обязательно наведальась на вокзал второй раз. Встреча неизбежна, а значит, пора принять меры. Я выхожу обратно под дождь. В успевших образоваться лужах лопаются пузыри. По примете, непогода затянется. Я взмахом руки подзываю хмурого извозчика, кое-как прикрывающегося фанеркой. Дождь разогнал людей по домам, извозчик остался без клиентов, вымок, радоваться ему нечему.

В двух словах объяснив, куда мне нужно, я спешу забраться в коляску. Вода заливает сквозь прорехи в тенте, но хоть какая-то защита. Самое скверное, что в промокшем платье теперь особенно холодно. Я обнимаю себя за плечи и стараюсь не стучать зубами.

Поездка не занимает много времени. Длинный проспект виляет, пока не упирается в рыночную площадь, за которой извозчик делает поворот. В качестве ориентира я запоминаю бревенчатый трактир, на всю округу распространяющий соблазнительные ароматы.

Извозчик останавливается через три дома:

– Прибыли, синьорина.

Я спрыгиваю на мостовую. Извозчик кивком указывает на лавку поношенного платья, и мне хватает одного взгляда на облупленную, сто лет не крашенную дверь, чтобы понять – я

не хочу заходить. До бегства в столицу мне порой приходилось донашивать мамины вещи, а один раз мама достала для меня из недр шкафа бабушкино коричневое пальто, превратившее меня в замызганную бочку. Начав самостоятельную жизнь, вещи себе я покупала исключительно новые, пусть и дешёвые рыночные. Однако в этом мире станок и конвейер ещё не изобрели, на рынке продают ткани, а за готовой одеждой либо в ателье иди, либо сам руки иголками коли. Сегодня я подчинюсь обстоятельствам и оденусь с чужого плеча, но я обещаю, клянусь, я поднимусь на вершину.

Я благодарю извозчика, предупреждаю, что ждать меня не нужно, и расстаюсь с четвертью глиота.

– Всего доброго, синьорина! – извозчик трогает.

Мне кажется, или дождь стал тише?

Я вхожу в полумрак забитой товаром лавки. Звякает потревоженный колокольчик, но никто не спешит мне навстречу. У дальних полок огненно-рыжая девочка лет десяти копается в плетёных корзинах с обувью, собирает разрозненные ботинки и сапоги в пары. На звук колокольчика девочка даже голову не поворачивает, сосредоточенно вяжет узел на шнурках. За узким прилавком не менее рыжая женщина щёлкает счётами и делает записи в пухлую тетрадь.

– Хей, для тебя здесь ничего нет, – заявляет она, не прерывая своего занятия

С – сервис.

Если бы не нужда, я бы пошла выгуливать кошелёк в дру-

гое место.

– То есть? – строго спрашиваю я.

Рыжая закатывает глаза:

– У меня нет ничего серого.

Вообще-то тёмная одежда на полках лежит, но я поняла, что женщина подразумевала – у неё нет традиционной одежды последователей Всеблагой Нексин.

Какой цвет мне будет к лицу? Ни освещения, ни зеркала...

– Сеньора, у вас есть что-нибудь благородное? И... может быть, яркое? Брусничные оттенки, глубокий розовый или насыщенный, но приглушённый изумруд? – я вспоминаю описания нарядов из романа.

Минимум одно платье должно быть настолько кричащим, чтобы на лице взгляды не задерживались.

– О?

– Я хочу одеться, как благополучная горожанка вольных взглядов, но держащаяся приличий.

– Однако.

Женщина откладывает счёты и выходит из-за прилавка.

– Два платья, туфли, зонтик, сумочка, – перечисляю я. – Хм, лёгкий плащ?

Я не хочу лишних трат, но хозяйку лавки надо заинтересовать, потому что сама я могу рыться в вещах до скончания века. Она же свой товар знает.

– Есть платье, его шили для одной столичной леди, но оно ветхое и линялое. Впрочем, вы легко исправите его краской

и, допустим, свежей вышивкой.

– Не годится. Я переоденусь здесь.

– Ага..., – женщина прищуривается.

С минуту она размышляет и устремляется в угол, где одна на другой стоят громадные корзины. Выдернув вторую снизу и при этом ухитрившись не развалить “башню”, женщина достаёт свёрток плотной сочно-розовой ткани, и в её руках он превращается в платье с великолепным отложным воротником.

Я бы купила, но:

– И модницы за него не передрались?

– Платье в полном порядке.

– Я верю, – улыбаюсь я.

– Девушку бросил жених, и бедняжка с горя повесилась.

Это было её помолвочное платье. История в нашем городе нашумевшая. Вы не местная, да? Я бы сама это платье не взяла. Зачем мне тряпка с мертвячки? Но сестра бедняжки принесла одежду в мешках... Оно чистое.

Какое совпадение, тоже помолвка...

– Она хоть не в нём повесилась?

– Н-нет.

Точно? Точно-точно?

Платье действительно чистое, ни пятен, ни дурного запаха.

– Вы правы, сеньора, вам эта тряпка ни к чему. В цене сделайте шаг навстречу, и я с радостью вас от неё избавлю.

– Хитрая какая.

В итоге я набираю полный саквояж вещей, и не только одежду, но и аксессуары, обувь. И становлюсь беднее на целых четыре глиота. Неоправданно дорого, с одной стороны, ведь я рассчитывала уложиться в полтора-два, но с другой стороны, я приобрела добротные вещи, в которых не стыдно выйти. Дешёвые тряпки женщина мне показала – лохмотья.

Я переодеваюсь прямо в лавке, стоптанные “родные” ботинки меняю на аккуратные полусапожки на железных подковках, затягиваю широкий атласный пояс, и от прежней Лейсан остаётся только причёска и неухоженное лицо. Ненадолго. Я беру карандаш и туго обматываю стержень розовой лентой, на конце завязываю пышный бант, больше подходящий первоклашке, чем леди, фиксирую бант ниткой и тоже самое проделываю со вторым карандашом, а затем избавляюсь от сеточки. Собрать рыхлый пучок – минута, заколоть импровизированными палочками для волос – пара секунд. Девочка, выбравшаяся из своего угла, ошеломлённо моргает, глядя на моё чудесное преображение.

Эх, мне бы палетку декоративной косметики... Тогда преображение было бы полным.

Подмигнув малышке, я прощаюсь с её мамой, похоже, очень довольной нашей сделкой, и выхожу в сырую прохладу улицы. Дождь всё ещё лупит по мостовой. С палантином на плечах я больше не мёрзну. Я раскрываю над головой купол зонтика, крепче сжимаю ручку саквояжа. Цок-цок – надо

же как подковки по брусчатке щёлкают. Я чувствую, как на моём лице расцветает улыбка.

Я иду в сторону рыночной площади. Сколько я провозилась в лавке? Думаю, значительно больше часа. Опоздать на рейс ни в коем случае нельзя, но пока немного времени в запасе ещё есть, и перед рынком я останавливаюсь в раздумьях. Взять в дорогу что-то перекусить будет весьма кстати, но откровенно говоря, я боюсь щипачей, хоть и спрятала купюры в разных интересных местах – в полусапожках, в кармашке панталон, под лифом. В розовом среди рыбных рядов я буду смотреться очень странно. Рынок небольшой, но незнакомый, обязательно забреду, куда не следует. Я обхожу рынок по дуге, с прихода покупаю у одной лоточницы кулёк пирожков с мясом, а у другой стакан сочной малины.

Опаздываю или во мне говорит паника?

Самое отвратительное, что спрашивать у прохожих, который час, бесполезно, ведь я не знаю, во сколько рейс, на билете проверила, не указано.

Когда я, задыхаясь от быстрой ходьбы, вхожу в здание вокзала, ворота и калитка всё ещё закрыты, но у калитки появился мужчина в военной форме. Некоторые скамейки заняты, желающих уехать на удивление мало. Я игнорирую обрушившееся на меня внимание и присаживаюсь на свободный край. Всё таки я слишком поторопилась. Но не уходить же...

К счастью, надолго ожидание не затягивается. Раздаётся

гулкий удар, словно зазвонил невидимый колокол. Страж лениво тянется за связкой ключей на поясе.

В здание влетают Бирон с Фирсом.

Оглядев собравшихся, ни один, ни второй не задерживает на мне взгляд. Они ищут серую дурнушку, а тут розовая красотка с гигантскими бантами. Конечно, издали меня не узнать. Но они подходят к стражнику, что-то быстро объясняют, и стражник энергично кивает. Бирон и Фирс встают рядом с ним.

Стражник отпирает калитку.

Люди начинают подниматься. Проходить следует по одному. Исключение – путешествующие вместе.

Очередь тает как сосулька на майском солнцепёке. Я понимаю, что вот-вот окажусь с Бироном и Фирсом лицом к лицу, и хоть один из них меня точно опознает. Эх, следовало переодеться в мужчиной и раздобыть накладные усы. Но куда бы я прятала грудь?! Поздно, всё поздно...

Сердце проваливается куда-то в желудок, я делаю шаг вперёд – моя очередь, мы с Фирсом встречаемся взглядами точь-в-точь как несколько часов назад. Миг узнавания, и его глаза широко открываются.

Глава 8

Ха!

Невозмутимо улыбнувшись, я протягиваю стражу билет. Фирс хватает воздух, силится издать хоть звук. Бирон, вероятно, решив, что сын поперхнулся, от души хлопает его по спине. В это время страж возвращает мне надорванные билет, и я прохожу через калитку. В спину бьёт крик:

– Это она! – Фирс опомнился.

Я прибавляю шаг, бросаю взгляд через плечо.

– Держи её, пусти!

Но страж блокирует рванувшего за мной Фирса:

– Без билета не положено, сеньор, никак нельзя.

Весь мой расчёт строится на наглости и упомянутых в романе жёстких запретах. Выход на перрон только для тех, у кого билет. Пропустив Фирса, страж рисковал бы лишиться работы. Конечно, страж мог пойти на поводу у эмоций и мужской солидарности. К счастью, мне повезло.

Фирс и Бирон бегут к кассе.

Успеют ли они, как говорится, запрыгнуть в последний вагон?

Конечно, никаких вагонов нет. То, что стоит у перрона, больше всего похоже на драккар викингов, только крытый. Венчающая нос чудовищная морда сжимает в пасти полупрозрачный тёмно-синий шар с фиолетовыми прожилками

внутри. Я не увижу, но в романе описывалось, что из шара выходит яркий сапфировый луч, который буквально испаряет пространство, и корабль проваливается в астрал.

Я бросаю последний тревожный взгляд назад. Не пойму, Бирон и Фирс замешкались?

– Синьорина, поторопитесь.

– Благодарю.

Оперевшись на руку стюарта в безупречной белоснежной перчатке, я спускаюсь в нутро корабля.

– Налево, синьорина, – подсказывает стюарт.

Тесный как гроб коридор, и по обе стороны двери кают. Вместо привычных номеров названия цветов. Я отыскиваю изображение фиалки. Картинки для безграмотных? Впрочем, неважно. Важно, что крики снаружи. Бирон с Фирсом купили билеты, выбежали на перрон, но люк закрылся у них перед носом – опоздали!

Хочется кружиться, петь, танцевать – праздновать свою первую победу.

Но я спокойно вхожу в каюту. Ни узкая койка, ни крошечный откидной столик не испортят моего настроения. Я опускаю саквояж в ящик для багажа, сажусь – вовремя. Раздаётся предупредительный колокольный гул, и пол уходит из-под ног, как бывает в скоростном лифте. Свободное падение длится с минуту, аж дух захватывает, а затем ощущение исчезает. Корабль словно замедляется, пока не замирает – это значит, что корабль погрузился в астрал, и ход настоль-

ко плавный, что заметить невозможно.

Победа!

Я купила билет до столицы. Чтобы меня найти Бирону и Фирсу придётся проверить каждый город на пути следования. Их ждёт чертовски трудный поиск, если, конечно, они не откажутся от гиблой затеи. Я собираюсь выйти в Старом Му. Возможно, это не лучшая идея в том плане, что именно в этом городе Фирс посещает казино, но плюсы перевешивают. Старый Му единственный город, о котором я знаю хоть что-то. Город большой, затеряться в нём также просто как затеряться иголке в стоге сена.

Постепенно эйфория спадает, на смену воодушевлению приходит опустошение. Я откидываюсь на жёсткую койку, как марионетка, которой разом подрезали удерживавшие её нити. Я закрываю глаза. Я действительно попала в другой мир, не шутка? Вот бы моё приключение оказалось затянувшимся сном, я так хочу проснуться дома... Я не замечаю, как по-настоящему проваливаюсь в вязкую черноту без видений. Ещё не кошмар, но что-то очень близкое к нему. Я скорее лишаюсь сил, чем отдыхаю. Сквозь тяжёлый невнятный сон я слышу колокол. За дверью стюарт объявляет остановку. Гебс, кажется? Я снова соскальзываю в черноту.

Будит меня до боли привычная вибрация. Настолько привычная, что я, не задумываясь, нащупываю под пальцами телефон, подношу к лицу, и только тут до меня доходит, что я всё ещё в каюте на астральном корабле. Я пропустила

Старый Му?! Я приподнимаюсь на локте, кручу головой в тщетной надежде, что вот-вот вернётся привычный интерьер съёмной квартиры.

– Нет же!

Моё восклицание остаётся без ответа.

Телефон упрямо вибрирует. Разве вызов автоматически не сбрасывается через минуту? Погодите, откуда здесь взялся мой мобильник?! Телефон точно мой – сама модель и уголок защитной плёнки отходит. Тело мне досталось чужое, а техника родная?

Ничего не понимаю.

Вызов продолжается. Я в ступоре смотрю на экран.

“Звонок оператора Системы”.

А-а-а...?!

– С-слушаю? – кто бы ни жаждал со мной пообщаться, он безмерно настойчив.

Чтобы проснуться, мне срочно нужен кофе, потому что после сна котелок не варит.

– Душа, доброго времени суток! Вас приветствует оператор Системы.

– Какой у вас отвратительно бодрый голос, оператор, – баритон, если быть точной.

По ту сторону закашлялись, и я усмехаюсь.

– Должен признать, что впервые получаю столь неоднозначный комплимент.

Обиды в тоне не слышно, но я извиняюсь:

– Кажется, я сказала лишнего.

– Всё в порядке, душа. Мало кому после первого перерождения удаётся сохранить уравновешенность и избежать эмоциональной нестабильности. Через пару дней эффект от Системной ментальной коррекции полностью сойдёт.

– Значит, это вы меня втравили в историю, – я не спрашиваю, а утверждаю. Мрачное предчувствие подсказывает, что разговор окончательно уничтожит надежду на возвращение.

Хочу домой.

– Душа? Вы добровольно согласились на перерождение. Вы настаиваете, что имело место принуждение?

Пфф!

Хоть я и не юрист, в кресле помощника руководителя фармацевтической компании я сидела не за красивые глаза и пухлые губы, в столь убогую ловушку я точно не попадусь. А вообще, интересно получается: жульничать Система может, а грубо нарушать правила – нет? Знать бы правила...

Но с ловушкой всё просто. Если не сам, то заставили – казалось бы, железная логика. Но нет. Оператор ловко отсекает любые другие варианты, ведь доказать принуждение мне точно не удастся.

– В моём мире клик по баннеру означает согласие на открытие рекламной ссылки, а следовательно, поскольку дополнительных предупреждений не было, мои действия нельзя трактовать, как согласие на перерождение.

Вот так.

Судя по наступившему молчанию, я создала оператору серьёзную проблему. Я довольна.

Надолго молчание не затягивается.

– Душа, вы желаете подать жалобу? – голос оператора звучит по-прежнему бодро. – Давайте уточним. Изначально нами был зафиксирован всплеск в тонком ментальном поле, у вас отсутствуют крепкие связи с исходным миром и присутствует острое желание радикальных перемен. Безусловно, ваша жалоба будет тщательно изучена специалистами из юридического отдела, но, говоря откровенно, я сомневаюсь в успехе.

– То есть?

Предчувствия оправдываются.

– Практика показывает, что, отвечая согласием на вопрос “Действительно ли вы хотите вернуться”, в девяносто девяти случаях из ста души лгут, причём неосознанно. За желание вернуться часто принимают страхи, привычки.

Оператор попал в яблочко. Моё желание вернуться идёт от ума, а не от сердца, а в глубине души мне любопытно, хочется приключений, свободы. Я с нетерпением жду прибытие корабля в Старый Му.

Получается, мою жалобу отклонят? Как хитро устроились!

Я выкладываю козырь:

– Мои родители, – несмотря ни на что, за них я беспокоюсь искренне.

– Душа, разве ваши родители не считают опорой и надеждой семьи вашего брата Николая? Ментально-эмоциональная коррекция поможет вашим близким справиться с потерей, а в качестве компенсации ваших родителей посетят наши квалифицированные целители и проведут полный курс магического восстановления и омоложения. Без преувеличения, ваши родители сбросят лет тридцать и, возможно, через год у вас появится маленькая сестрёнка.

Звучит шикарно.

Чёрт, этот оператор умеет уговаривать.

– Зачем я вам? – между прочим, это самый главный вопрос.

– Душа, поздравляю с первым перерождением! На вашем телефоне установлено приложение “Система 2.05”. Уверен, вы легко разберётесь, приложение интуитивно понятное. Основная вкладка – это каталог товаров и услуг, которые вы можете приобрести за особую Системную валюту – караты.

– Как много слов. Ближе к делу, пожалуйста.

– Душа, боюсь, без капли теории не обойтись. Маг напитывает чары энергией, которую черпает в окружающем мире и пропускает через себя. Мы заинтересованы в очищенной энергии. Каждый раз, когда вы обратитесь к магии, Система будет потреблять два-три процента очищенной энергии, и вам будут начисляться караты.

– А если я откажусь становиться магом?

При том, что у меня в ближайших планах стать самой настоящей ведьмой...

– Вы вольны поступать, как считаете нужным, душа.

Враньё. Может, напрямую и не заставят, но меня обстоятельства уже подталкивают. В новом мире крепко встать на ноги мне позволит только магия.

– Допустим, я всё же хочу вернуться.

– Возвращение вас в естественный круг перерождения – это одна из услуг в нашем каталоге. Её стоимость составит двести миллионов карат.

И-ик.

Двести-ик-миллионов-ик-карат.

Я попала...

– Прекрасно, – зло выдыхаю я.

Оператор ни капли не смущается:

– Душа, я рад, что вы согласились. Отчёт целителей будет загружен в приложение в течение недели. Душа, обратите внимание, в приложении вам доступен выбор приветственного бонуса. Надеюсь, консультация оказалась полезной.

– За неделю телефон разрядится.

– Душа, не беспокойтесь. Достаточно мысленно приказать носителю исчезнуть и также мысленно призвать, когда носитель понадобится. Заряд батареи восполняется.

– Прекрасно.

– Душа, спасибо, что выбрали Систему. Желаю вам приятных перерождений!

Оператор отключается.

Я раздражённо швыряю телефон в стену, но за миг до удара приказываю:

– Исчезни.

Телефон послушно пропадает, а я ударяю кулаком по койке. Ударяю, вымещая злость, страх. Наверное, ментальная коррекция срабатывает, эмоции постепенно гаснут, и я трезво взвешиваю положение, в котором оказалась. Другой мир? Зато родители получают курс полного магического восстановления. По факту, полноценную вторую жизнь за вычетом детства. Уже за одно это стоило согласиться, тем более я не в накладе, у меня теперь тоже жизнь. Своя, отдельная. И ведь в этом плане ничего не поменялось, после бегства из дома я все трудности я преодолевала в одиночку, так что можно считать перерождение вторым бегством. Или настоящим, а то, первое, в столицу – репетицией.

Мои размышления прерывает гулкий удар колокола, поезд выходит из астрала.

Глава 9

– Старый Му – объявляет стюарт.

Уже?! Стоянки же меньше минуты! Я хватаю саквож, выскакиваю в коридор. Люк открыт, стюарт снаружи. Мне навстречу спускается новый пассажир, весьма крупный мужчина. В тесноте коридора я не без труда протискиваюсь мимо, избегаю по ступенькам.

– Синьорина? – стюарт уже тянется к ручке люка, на меня смотрит с вежливым недоумением.

– Я сойду раньше, – объясняю я. – Благодарю.

Стюарт уступает дорогу, и я оказываюсь на перроне.

– Всего доброго, синьорина, – стюарт захлопывает люк, а я тороплюсь отойти в сторону, потому что сейчас...

Шар в пасти резной морды вспыхивает, фиолетовый луч ударяет во что-то невидимое. Со стороны выглядит будто картину протыкает гигантский нож. Лоскуты холста расходятся, и в прореху просачивается золотистое свечение астрального плана. На языке появляется сладковатый привкус.

Дракар проваливается, и ткань пространства смыкается, от прорехи следа не остаётся. Я сглатываю вязкую слюну, желудок отзывается тянущей пустотой. Обед я пропустила. Лейсан не завтракала?

На перроне делать нечего, я киваю стоящему у калитки стражу и выхожу в зал ожидания, к кассам. Время к вече-

ру или уже вечер, неудачно. Должна ли я ночевать на вокзале? Помнится, героиню романа ограбили именно вечером. В тёмное время суток одинокой девушке в городе опасно, хотя терять драгоценное время жаль.

Дождаться утра всё же разумнее...

Я пристраиваюсь на угловую скамейку, разворачиваюсь к окну полубоком и с унынием думаю, что просидеть на жёсткой доске придётся семь-восемь часов. Да у меня всё отвалится! Может, всё же стоило отправиться в столицу и провести ночь в каюте? Но поезд ушёл. В моём случае – корабль.

Вместо ужина перекус всухомятку. Пока я расправлюсь с пирожками лоточицы, за окном успевает окончательно стемнеть, вспыхивают магические светильники. Прибывает ещё один корабль, и на перроне становится шумно – вышла мамочка с тремя детьми. Её встречает высоченный, под два метра, тощий бородач. Муж, наверное. Прибыла пожилая пара, багаж за ними несёт слуга. Последней показалась девушка в ярко-зелёном пальто с изумрудной брошью на лацкане, такая же одиночка как я, но в отличии от меня девушка уверенно направляется к выходу. Наверное, она может позволить себе и наёмный экипаж, и гостиницу.

У самых дверей девушка вдруг приседает и шарит по полу рукой. Я вскакиваю. Глаза могут подводить, между нами расстояние, и я не всё вижу ясно. Девушка встаёт. В её пальцах что-то небольшое зелёное. Она прячет находку в карман и выходит.

Не может быть! Неужели?!

В романе главная героиня точно также обронила брошь – от постоянного ношения замочек ослаб. Сейчас Ользу ограбят, и ей придётся сдать брошь в ломбард. Учитывая, что брошь для Ользы бесценна – память о матери – ей будет очень больно. Мало того, Ольга не успеет собрать нужную сумму для выкупа... Конечно, финал у романа счастливый: про брошь от брата Ользы узнает главный герой, он отыщет брошь, выкупит и вернёт, а до глубины души тронутая Ольга согласится стать его женой.

– Синьорина! – окликаю я.

Когда я успела выйти на улицу?!

Ольза никак не реагирует, а от здания вокзала отделяется тень. Кажется, я не успеваю... Зато я знаю, что вор уйдёт за угол и дальше свернёт в неосвещаемый проулок. Ольга погонится, но почти сразу будет вынуждена остановиться.

Раздаётся крик. Я на месте, и вор с саквояжем Ользы бежит прямо на меня. А вдруг у него нож?! Поздно!

– Стоять! – рывкаю я.

Вор то ли тщедушный, то ли подросток.

Ольза зовёт стражу, а я поудобнее перехватываю свой саквояж – сейчас ударю.

– Да провались! – рычит тщедушный без капли раскаяния, швыряет саквояж на землю.

– Шуруй отсюда, – внутри всё обмирает от страха, но внешне я спокойна и полна презрения.

Услышав приближение стражи, воруго грубо отталкивает меня и неспешной рысцой уходит в темноту. Я смотрю ему вслед, а затем опускаю взгляд. Саквояж и кошелёк в нём спасены, Ользе не придётся продавать бесценную брошку. Только что, поддавшись эмоциям, я разрушила сюжет романа... Частично разрушила – на встречу Ользы с главным героем моя помощь не должна повлиять.

– Синьорина, добрый вечер, – к Ользе подходит патруль.

– На меня напали и вырвали из рук всё, что у меня было, – всхлипывает она.

Стражи поворачиваются ко мне, и это я стою над чужим багажом. Ольза, проклятье!

– Синьорина, – стражи делают шаг ко мне.

Не делай добра – не получишь зла.

Ольза спохватывается:

– Нет-нет, тот, кто на меня напал, уже убежал. Великодушная и храбрая синьорина остановила вора.

– Синьорине просто повезло, что я шла мимо и оказалась на его пути.

– Рад, что всё обошлось, – главный в паре принимает объяснение.

Я отвечаю улыбкой. Чем быстрее я уйду, тем лучше, но торопиться нельзя – заподозрят невесть в чём. Стражи и так косятся на меня с недоверием. Или у меня воображение разыгралось? Я очень боюсь, что меня попросят предъявить документы. Мне вообще не следовало лезть. Куда подевался

мой здравый смысл?!

Патрульные осматривают поворот в переулок, но в темноту не суются.

Ольза подбирает саквояж, выпрямляется.

– Синьорина, вы меня спасли!

– Просто повезло, – повторяю я.

Ольза не успокаивается:

– И всё же, синьорина, я настаиваю, примите мою сердечную благодарность. Меня зовут Ольза.

– Очень приятно, Ольза. Рада знакомству.

Патруль уже ушёл, поэтому нет нужды вести себя естественно и представляться в ответ.

– Вероятно, я вас задерживаю... синьорина.

Мою заминку с именем Ольза понимает не совсем верно. Я же пытаюсь сообразить, как поступить. Знакомство с главной героиней романа в мои планы не входило. Не потому что я против, а потому что я не собиралась её искать преднамеренно. Но теперь мы встретились. И знакомство следует поддержать, а я сомневаюсь, что о себе рассказать.

– Ни в коем случае, Ольза. Я прибыла в Старый Му, чтобы впервые посетить Круг Вейдм.

– Ах, вот как. Какой совпадение! Я тоже намеревалась посетить Круг. Но сегодня уже поздно...

– Разве? Я слышала, что Круг открыт и днём, и ночью.

Ольза на секунду задумывается:

– Как насчёт того, чтобы отправиться вместе?

– С удовольствием!

Я отвожу взгляд. Я странно себя чувствую. Как будто попала на сцену в разгар спектакля, и актёрам приходится подстраиваться, импровизировать, а я, вместо того, чтобы слиться с массовой, выбралась на передний план. Вдвойне странно от того, что я знаю об Ользе почти всё: её прошлое, настоящее, ближайшее будущее, знаю, кого она полюбит, какой будет их свадьба. Я даже знаю, что у неё родится двойня.

Только вокруг не спектакль, а Ольза не актриса. Она самая настоящая девушка из плоти и крови. Красивая, кстати. Чуть выше меня, стройная, фигуристая. Волосы вьются мелкими кудряшками. Лицо скульптурное. Есть в её облике что-то от задорной хохотушки и одновременно кошачье. Мурлычет и ластиться, но когти при ней. Обманываться видимым дружелюбием будет ошибкой.

Ольза увлекает меня к выстроившимся в стороне от вокзала экипажам. Я тенью слеую за ней, спокойно жду, пока она договаривается с извозчиком.

– Сколько с меня? – уточняю я уже в экипаже, Ольза не стала брать коляску, выбрала более дорогой, закрытый.

– Обижаешь, – отмахивается она.

Я не настаиваю. Насколько экипажи безопасны и не завезут ли нас, двух девушек, в притон вместо Круга, тоже не спрашиваю. За окном чередуются пятна тьмы и света, город не рассмотреть. И чем больше мы удаляемся от центра, тем реже фонари.

Глава 10

Ночь по-весеннему прохладная, я кутаюсь в палантин. В воздухе чувствуется последождевая свежесть. В Старом Муму тоже шёл дождь? Пока Ольза расплачивается с извозчиком, я стою задрав голову. Здесь, в мире без электричества, в стороне от центральных улиц небо точь-в-точь такое, каким я помню его из детства, когда мы всей семьёй на лето выбирались в деревню – чёрное, бездонное. Бриллиантовой россыпью сверкают незнакомые звёзды, луны нет, а почти у самого горизонта мерцает багровая туманность.

– Идём? – окликает меня Ольза.

Подъехать к Кругу Введьм на экипаже нельзя. Их обитель стиснута между городским парком и пешеходной набережной реки Муму, давшей городу название.

Я передёргиваю плечами. В темноте я чувствую себя слепой, а подсвечивать путь телефоном при Ользе не решаюсь. В парке ещё темнее, чем на неосвещаемой дороге, кроны почти смыкаются над тропинкой.

Мы пересекаем парк наискось, гравий сменяется брусчаткой. В тишине цоканье моих каблучков, мне кажется, слышит весь город. Впереди всё также темно. Я спотыкаюсь, и Ольза придерживает меня за локоть. Не похоже, что она из-за темноты испытывает хоть какие-то неудобства. Под ногами теперь плиты или, точнее, широкие ступени. Дверей нет, и

мы через проём, в ночи похожий на зев пещеры, входим под своды обители.

– А-апчих!

Об этом в романе не предупреждали!

На входе дымит курительница, правда пахнет приятно – не перцем, а цитрусом. Может быть, у Лейсан аллергия?

– Здесь не лечебница, – раздаётся ледяной голос. Приветливостью ведьмы не отличаются.

– Я искала гостиницу, – усмехаюсь я, за что получаю ошутимый щипок от Ользы.

Вспыхивает магический светильник. В романе упоминался мягкий свет, но мне вспышка ударяет по глазам. Видать, ведьма что-то подшаманила.

Несколько секунд я не способна видеть, но я стою с открытыми глазами, чуть склонив голову к плечу, улыбаюсь. Зрение постепенно восстанавливается. Я смаргиваю выступившую влагу. Передо мной, облачённая в голубой шёлк, в позе королевы одна из старших ведьм Круга.

– Младшая сестра, – ведьма кивает Ользе. Они не родственницы, просто принятое в Круге обращение. Меня ведьма игнорирует, хотя взглядом промораживает.

– Старшая сестра, – в тон отвечает Ольза, косится на меня обеспокоенно.

Я продолжаю улыбаться.

– В Круг запрещено приводить посторонних, – Королевская Сосулька изящно скрещивает руки.

А вот теперь хватит молчать.

– Спросонья ведьмы особенно злы? И, кажется, слепы. Старшая сестра, присмотритесь хорошенько.

Королевская Сосулька наконец-то перестаёт притворяться, что я лишняя деталь интерьера.

– Ты не ведьма, – спокойно констатирует она, однако под коркой льда мерещится раздражение.

– Я будущая ведьма. Я пришла получить второе имя, – и документы.

– Хм? Занятно... Младшая сестра, ты можешь идти, – Сосулька отсылает Ользу небрежным взмахом кончиков пальцев.

Ольза медлит.

– Я в порядке, – заверяю я. – Увидимся позже, мне не терпится, наконец, представиться. Половинчатое знакомство – это неправильно, подруга.

Хмыкнув, Ольза обходит Сосульку, но, прежде чем скрыться окончательно, оглядывается из-за её плеча и корчит забавную рожицу. Я же, пользуясь моментом, рассматриваю старшую ведьму внимательнее. Кожа без единой морщинки облегает лицо будто пластик. Глаза неподвижно-стывшие. Она и правда какая-то мороженая. Шаги Ользы стихают.

Дождавшись тишины, Сосулька приглушает магический свет и командует:

– Будущая ведьма, следуй за мной.

Успеваю я или нет, её не заботит. Я сосредотачиваюсь на том, чтобы не отставать, по сторонам почти не смотрю. Усиливается запах цитрусов, в носу свербит, и я снова оглушительно чихаю. С улицы тянет свежим воздухом, к свежести примешивается лёгкий аромат цветов. Сосулька выводит меня во внутренний дворик к белеющей в ночи статуе и небрежно протягивает кинжал.

Мне стоило заранее расспросить Ользу...

Я должна его взять, да? Я осторожно провожу подушечкой пальца по режущей кромке – хищно острая.

Сосулька ничего не поясняет, и я уточняю:

– Что я должна делать?

– Если ты не знаешь столь простых вещей, может быть, не стоит становиться частью Круга? Ты осознаёшь, что бывших ведьм не бывает, пути назад нет? Что ты вообще о нас знаешь?

Ледяная спесь с ведьмы слетает, взгляд становится умным и полным беспокойства, а она сама – живее, человечнее. Её раздражение исчезло без следа, и никакая она не Сосулька.

Сначала я не собиралась делиться своими проблемами, но сейчас мне хочется объясниться. Ведьма на меня как-то воздействовала?! Я прислушиваюсь к себе – вроде бы нет. Меня зацепило, что ей не всё равно, что она предостерегает меня от ошибки, но в то же время окончательное решение оставляет за мной.

– Я ищу защиты от общины Нексин Всеблагой.

Может быть, и я правда слишком спешу?

– Серая мерзость? Понимаю... Девочка, я не хочу тебя отговаривать. Больше скажу, между серыми и ведьмами, я бы без малейших сомнений выбрала ведьм. Однако вступать в Круг по принципу “больше некуда деваться” тоже неверно. Что ты о нас знаешь?

Я глажу шероховатую рукоять кинжала. Знаю я недостаточно, это очевидно. Я знаю даже меньше, чем местные. Но в принятом решении я уверена.

– Ведьмы нашли гармонию между личной свободой, личной выгодой и сестринской взаимопомощью.

– Хорошо, – кивает ведьма. Похоже, мой ответ её полностью устроил, но объяснять, что делать, она не спешит. – Ты чувствительна к магии?

– Не знаю...

– Если у тебя нет способностей к магии, ты навсегда застрянешь в статусе ученицы.

Из того, что говорил оператор, следует, что способности у меня есть.

– Я рискну.

– Это твоя жизнь. Мы верим, что однажды на землю спустилась богиня. Она представлялась просто Колдуньей и обучала женщин зельеварению и чароплетению. Её ученицы стали первыми ведьмами. Чтобы войти в Круг, тебе нужно благословение Колдуньи. Пожертвуй своей кровью и поклонись.

Будто я знаю, как совершать подношения, хах.

Я подхожу вплотную к статуе. В камне высечена миловидная особа. Приветливо улыбаясь, она держит перед собой сложенные калачиком руки – очень похоже на одно из принятых в Азии приветствий. Ноги особе заменяет змеиное тело, кольцами обнимающее постамент. Кончик хвоста украшен изогнутым шипом. Лично я не сомневаюсь – ядовитым.

Если отбросить проблемы с помешанной тётушкой и картёжником Фирсом, вознамерившимся наложить лапу на моё наследство, хочу ли я стать ведьмой? Да, чёрт побери!

Я вытягиваю ладонь, надрезаю кожу. В постаменте выемка. Полагаю, её надо заполнить? В пробирку в поликлинике я и то больше сдавала.

Хвост статуи пришёл в движение...

Нет, не сам хвост. Каменное изваяние на месте. Двигается его призрачный двойник. Игла ударяет точно в выемку, разлетаются мелкие брызги. Игла наливается краснотой, а кровь из выемки исчезает.

Я наклоняюсь, интуитивно догадываюсь, что руки богини должны оказаться у меня над головой.

Плеснуло что-то невидимое. Я вскрикиваю от боли, при том что болит... воздух надо мной? Видимо, аура. Жжение довольно быстро проходит. Я выпрямляюсь.

– Добро пожаловать в Круг, младшая сестра, – ведьма, наблюдавшая со стороны, подходит ближе. – Даю тебе имя... Иветта. Остался последний шаг. Отрекись от прошлого име-

ни, Иветта.

Я пожимаю плечами:

– Старшая сестра, нет.

Глава 11

– Что? Девочка, разве ты не сказала, что хочешь уйти от серых?

– Я сказала правду. Но разве я уже не ушла? Я открою лавку, начну учиться. Сохранить прежнее имя означает сохранить шанс стать не только ведьмой. Мир за пределами обители влечёт меня больше, чем здешнее спокойствие.

– Какая... хитрая.

Старшая усмехается. Впрочем, в её взгляде читается одобрение. Отказ она принимает спокойно и жестом приглашает следовать за ней. Мы возвращаемся в здание обители, и ведьма провожает меня в гостевой зал. Серьёзные разговоры подождут до утра, а пока в моё распоряжение попадает лежащий на полу матрас, накрытый тонким пледом. Отдельная комната мне по статусу не полагается, поэтому ночевать придётся в общей. Хуже, чем в каюте, но лучше, чем на вокзале.

– О, так я права. Я пришла в лучшую гостиницу Старого Му! – я на самом деле довольна.

– Сестра, ты слишком шумная, – старшая ведьма, успевшая покрыться коркой льда и снова притвориться сосулькой, уходит.

Но в одиночестве я не остаюсь.

– Сестра! – Ольза стискивает меня в объятиях. – Ты стала

одной из нас? Поздравляю!

Она будет ночевать на соседнем матрасе. Ольза успела переодеться в домашнее, от неё пахнет мылом. Пожалуй, мне тоже не помешает умыться, а вот на что-то большее сил не осталось.

– Меня зовут Иветта, – представляюсь я.

– Красивое имя!

– Спасибо.

Ольза разжимает объятия, отстраняется. Между нами повисает неловкость. Честно говоря, не знаю, как вести себя дальше. До сих пор... у меня не было настоящих подруг. Я всю себя отдавала карьере и не чувствовала нужды в пижамных вечеринках или совместным походам по магазинам. Ольза понимает мою неловкость по-своему и показывает, где уборная.

Когда я, передевшись в сменное платье, возвращаюсь, Ольза уже полулежит, подпирая голову локтем. Я устраиваюсь на своём матрасе. В зале тепло, плед я набрасываю лишь на ноги.

– Иветта, я тут подумала... Ты ведь только приехала в город, ты абсолютно свободна, а мне не помешает компаньонка.

– Э-эм? Подружка на жалованье?

Хихикнув, Ольза кивает:

– Можно и так назвать.

– Прости, у меня грандиозные планы. Ольза, как насчёт

того, чтобы сходить куда-нибудь вместе? Я совершенно не ориентируюсь в городе.

– Не завтра. У меня тоже планы.

Она обиделась? С чего бы? Я ложусь на спину:

– Спокойной ночи.

– Спокойной...

Я засыпаю не сразу. Лежу с закрытыми глазами, пытаюсь осмыслить, как круто перевернулась моя жизнь. Всю ночь мне снится какая-то чехарда. Я прыгаю по грозовым облакам и ловлю розовых карпов, которые, стоит их поймать, превращаются в грейпфруты.

Меня будят бьющие в глаза солнечные лучи. Я тихонько, чтобы не разбудить Ользу, приподнимаюсь, но её уже нет. Плед на её матрасе аккуратно сложен, вещей тоже нет, то есть она уже ушла. Хм... По крайней мере в уборной я могу провести столько времени, сколько захочу.

Наплескавшись вдоволь и переодевшись обратно во вчерашнее платье, я выхожу из гостевого зала.

– Иветта? – окликает меня моя ровесница. – Доброе утро! Старшая сестра просила проводить тебя. Я Линда.

– Очень приятно, Линда.

До моего появления девушка читала свиток, но немедленно спрятала его в футляр, а футляр зацепила на пояс в специальную петельку.

Из романа я знаю, что многие ведьмы предпочитают жить в Круге, и Линда приводит меня в общую трапезную. За

длинным столом сидят две ведьмы. Бурно жестикулируя, они спорят то ли про зелье, то ли про заклинание. На нас спорщицы не обращают ни малейшего внимания. Линда показывает мне, где взять порцию. Сами ведьмы не готовят, трижды в день еду привозят из трактира. Убедившись, что я справляюсь, Линда ныряет в свой свиток. Я же с удовольствием расправляюсь с омлетом, съедаю толстый бутерброд с мясом и выпиваю две чашки чая. Пока за стол не села, не чувствовала, насколько я голодна...

Я отношу посуду в большой чан и возвращаюсь к Линде:

– Что-то интересное, наверное.

– А? Рецепт защитного зелья. Многие маги заказывают, чтобы пропитывать одежду. И не только маги, – Линда рассказывает на ходу, увлекая меня за собой.

Обитель напоминает плетёную салфетку. Арочные проёмы и окна причудливо сплетаются в каменное кружево, а галереи только усиливают впечатление воздушной лёгкости. Куда исчезла ночная мрачность?

Нас едва не сбивают с ног две ведьмочки, вздумавшие поиграть в догонялки прямо в коридоре.

Линда приводит меня в библиотеку и тут же облюбовывает ближайший уголок. Пока я осматриваюсь, она не только достаёт свиток, но и с головой погружается в чтение. Впрочем, то, что от неё требовалось, Линда сделала.

Я миную стеллажи с книгами и подхожу к занятой письменной работой Королевской Сосульке.

– Доброе утро, – здороваюсь я. – Спасибо за заботу, я почувствовала себя дома.

– Присаживайся, Иветта. Ты оставила прежнее имя, – отвечает она не поворачивая головы.

– Да. Отказаться от него я всегда успею.

– Спорно, но я не стану тебя переубеждать, тем более ты правильно сказала, что для тебя это шанс стать не только ведьмой. Я хотела поговорить о другом. Раз ты не ушла, значит, ты собираешься оставаться некоторое время в Круге?

– Нет.

– Занятно..., – она переворачивает страницу.

Уж не знаю, читает она или делает вид.

– Я хочу учиться, – поясняю я, – хочу освоить азы. И открыть собственную лавку.

– Ого. Ещё ни одного зелья не сварила, но уже собралась их продавать.

– А зачем варить зелья, которые нельзя продать?

– Логично. Что же, – ведьма откладывает книгу и ставит передо мной плоский ларец, опоясанный примитивной резьбой.

Я жду пояснений, но она лишь кивком показывает, чтобы я открыла крышку. Я подчиняюсь. То, что лежит внутри, по моему мнению, больше всего похоже на набор игрушек. В глаза бросаются миниатюрная тренога и котёл размером с куриное яйцо. Отдельно лежит половник на длинной ручке. Сам половник с ноготь, а ручка – с палец. Мешочки с неве-

домым содержимым я не трогаю, а то, мало ли, опять рассчитаюсь, да и неизвестно, что там.

Королевская Сосулька снисходит до подсказки – щёлкает коротко подстриженным ногтем по внутренней части крышки.

“Установите котёл и на треть заполните водой,” – на крышке выгравирован рецепт. Набор всё же не игрушечный, а учебный. С первым пунктом инструкции я легко справляюсь. Вода здесь же, приготовлена заранее, ждёт в небольшой фляжке. Мерного колпачка нет, поэтому треть я определяю на глаз. Надеюсь, погрешности допустимы.

Ведьма мои действия никак не комментирует, молча наблюдает. Спросить? Интуиция подсказывает, что у меня не урок, а сразу экзамен на профпригодность, а значит вопросы не ко времени, да и инструкция намекает, что сейчас вольности допустимы. Каплей больше, щепоткой меньше... Я перехожу к следующему, пожалуй, самому сложному шагу. Как напитать воду силой, которой у тебя нет и никогда не было?

– Сила разлита в воздухе. Закрой глаза и постарайся её уловить, – подсказывает Сосулька. – Обычно, если задатки есть, то почувствовать выходит чуть ли не с первого раза.

Сомнительно, что это так легко, но за совет спасибо.

Я закрываю глаза, но пытаюсь почувствовать магию не тороплюсь. Сперва глубокий вдох, затем выдох. Я вспоминаю вчерашнюю ночь, как я склонилась перед статуей и вскрикнула от боли, вспоминаю жжение над головой. Думаю, не

ошибусь, если скажу, что жгло мою ауру.

Вроде бы чувствую...

Я мысленно зачёрпываю силу и наливаю в котёл, представляю, как она перемешивается с водой.

– Стой! Сумасшедшая! Ты что творишь?!

Глава 12

Концентрация сбита, но я продолжаю чувствовать силу. Не прекращая помешивать, открываю глаза:

– Сестра?

– Иветта, между “почувствуй разлитую в воздухе магию” и “оторви кусок собственной ауры” большая разница, не находишь?

– О...

Получается, я себе навредила? Я восприняла магию недостаточно серьёзно. К счастью, отделалась царапиной, но впредь следует быть осторожнее и не превращать ауру, щит души, в решето.

Я в один глоток выпиваю воду – не выплёскивать же за окно. Старшая тяжело вздыхает, но замечаний не делает, а значит, я поступила правильно. Я наполняю игрушечный котелок заново и пробую ещё раз. Сперва я нахожу границу ауры. Пытаюсь нащупать “царапину”, но её нет. Так быстро затянулась? А заодно я привыкаю к вкусу магии. Теперь, когда я знаю, что искать, ощутить энергию в воздухе легко. Но её надо как-то втянуть и пропустить через себя. Я представляю, что магия впитывается через кожу на ладонях. А как ещё?

Старшая не намерена дать более точные указания, а?

Поначалу ничего не происходит. Магия никак не отзыва-

ется на мои фантазии, что, наверное, логично. С тем же успехом я бы могла пытаться силой мысли вызвать ветер.

А если по-другому?

Я снова сосредотачиваюсь на своей ауре. В детстве у меня была матрёшка. Принцип тот же: самую маленькую фигурку можно сравнить с душой, среднюю – с телом, а самую большую – с аурой. Верхняя граница в пяти-десяти сантиметрах над кожей. Я складываю ладони лодочкой и медленно свожу. Я словно удерживаю невидимый мяч. Что будет, когда я сведу ладони? Я не чувствую движения энергии, но она ускользает. Я развожу ладони и снова ловлю невидимый мяч. Сейчас я окружила своей аурой крошечный участок пространства. Я сосредотачиваюсь на ощущениях. Я вряд ли смогу справиться с силой в окружающем пространстве, но с несколькими “плёнными” каплями должна.

– Нет, остановись.

– Хм? У меня же получалось.

– Иветта, энергия, которую ты бы поглотила сейчас, растворилась бы в твоей ауре. Само по себе это даже неплохо. Подпитывать ауру можно, нельзя переусердствовать, иначе переизбыток чужеродной силы порвёт ауру изнутри. Но сейчас твоя задача напитать воду.

И это все объяснения? Нет, я ценю и благодарна, но...

– Как это сделать правильно, сестра?

– Управляй энергией, заставь её течь по твоим рукам.

– Как кровь?

– Да.

Я концентрируюсь на внутренних ощущениях. Кровь бежит по венам, потому что её качает сердце. Чтобы по венам потекла магия, нужно найти магическое сердце. Та-ак... Ого! Удивительно, но я нашла. Тело пронизывает сеть магических каналов, концентрирующихся на ладонь выше пупка. Трогать сложную структуру я не рискну, это неразумно.

Экспериментировать буду с каналом в указательном пальце. Я могу им управлять? Пусть вытянется к границе ауры. Палец словно удлиняется и превращается в хоботок.

– Что я вижу...

– Опять неправильно?

– Однозначного ответа нет. Прочти “Я управляю своей энергетической структурой” Мейриты. В двух словах, при таком способе тебе будет легче плести чары, но ты станешь гораздо уязвимее. Сама посуди: нанести вред открытому каналу или защищённому аурой?

– Хм...

Почитаю обязательно, но идея отрастить энергетические щупальца мне о-очень нравится. А пока пробую...

Если хоботок не годится, то будет пылесос. Буду тянуть силу с расстояния. Королевская Сосулька одобрительно кивает. Надо перестать её так называть.

– Простите, а как к вам обращаться?

– О, а раньше тебя незнание моего имени не смущало?

Я пожимаю плечами.

– Вчера я была слишком увлечена собой и своими проблемами. От жениха сбежала.

– Повезло жениху. Меня зовут Айсан.

Серьёзно? Айс? Ледышка?

– Очень приятно.

– Не верю. Ты сдаёшься? – она кивает на котёл.

– С чего бы?

Магия повсюду, она соприкасается с аурой и в теории поглощается, просто я этого не чувствую, как не чувствую, например, кожное дыхание. Удерживая внимание на внешней среде, я представляю, как мой указательный палец превращается в пылесос. Подушечку начинает покалывать. Я тяну сильнее. По пальцу от ногтя к ладони прокатывается волна жара. От неожиданности я теряю настрой, и тепло растекается по руке.

– Ты решила сжечь себе палец? – грустно спрашивает Айсан. – Тяни обеими ладонями. Поначалу важно заставить работать все каналы.

– Поняла... А жар – это нормально?

– Ты когда-нибудь видела холодный огонь, Иветта?

Я втягиваю магию. Жар течёт по рукам в верхнюю область живота. Я чувствую, как внутри словно маленькое солнышко вспыхивает. Ощущение лишь поначалу пугающее. Жар не жжёт, а приятно согревает. Про ладони я забываю, перестаю тянуть силу, и солнышко медленно гаснет. Я снова набираю силу, второй раз получается лучше. Как там оператор гово-

рил? “Пропустить магию через себя”? Я не позволяю солнышку угаснуть, представляю, что оно жидкое и направляю по энергетическим каналам обратно в руки, а из ладоней – в котелок.

– Айсан, у меня получилось?

– Неплохо, продолжай. Лучший учитель – это практика. Тренируй свои энергетические каналы и старайся держать резерв полным. Поначалу, как только ты отвлечёшься, магия будет уходить, постепенно привыкнешь удерживать магию в резерве без напряжения.

Я возвращаюсь к инструкции. Беру из первого мешочка щепотку бурого порошка. О его происхождении лучше не задумываться. Щепотку тоже следует напитать, но ещё и добавить к ней желание вызвать раздражение на коже. Весьма по-злодейски, надо признать. Я представляю ярко-красные лизуны и острый зуд.

Воображая гадости, я сыплю порошок в котёл и помешиваю ложкой, через которую продолжаю вливать энергию. Постепенно порошок растворяется, а вода приобретает лёгкий болотный оттенок.

– Очень хорошо.

Айсан забирает котелок, принохивается.

Резким движением она выплёскивает зелье мне на руку.

– Что?! Ауч, больно!

– Зато сразу видно, насколько хорошо получилось, – зло-радно хмыкает Айсан.

В чём-то она права. Учебное зелье должно давать быстрый видимый эффект. Но разве нельзя придумать что-то другое. Полбеда, что на запястье расцветают пятна. Чешется так, что я готова ногтями соскрести кожу до мяса.

– А противоядие?

– У Линды попроси.

Вот ведьма.

Айсан убирает котелок и ложку обратно в ларец, захлопывает крышку.

– Спасибо за урок, – говорю я. Надеюсь, Линда читает, не ушла ещё.

– Урок ещё не окончен. В Круге три библиотеки: Библиотека Учениц, Библиотека Введьм, Библиотека Старших. Ты, как ученица, свободно можешь пользоваться только первой. Книги и свитки из двух других ты можешь читать под мою ответственность. Причина – я должна быть уверена, что ты не навредишь себе.

– Понимаю.

Не могу, как чешется...

– Твоё домашнее задание: прочитай “Наставления девам, вставшим на путь колдовства” Дьяны. Приходи, как прочитаешь, мы обсудим. Про тренировку энергетических каналов и резерва я сказала, в “Наставлениях” читаешь подробнее. При желании можешь почитать “Энергетическую гимнастику” Лейды. Выносить книги из библиотеки запрещено. Вот теперь урок окончен.

– Вопрос, Айсан.

– Да?

– Пробовать варить зелья только под вашим контролем?

– Хоть целое озеро навари, лишь бы рецепт был отсюда, из Библиотеки Учениц, здесь специально отобраны безопасные.

– А что насчёт продажи?

– Никак не уймёшься? Оформи в мэрии лицензию и торгуй, но не жди, что кто-то вступится, когда за тобой стража придёт.

– Стража?

– А ты думала, за плохое зелье тебя по головке погладят?

Я тру невыносимо зудящее запястье:

– Айсан, я такие зелья буду продавать, что ко мне за ними в очередь будут выстраиваться.

– Ну-ну. Я предполагала, что ты упрёшься, так что вот, возьми, – она протягивает мне записку. – Тебе ведь негде жить?

– Негде.

– Как ученица ты могла бы остаться в Круге, но раз учёбе ты предпочитаешь сомнительные финансовые авантюры, можешь арендовать флигель у Ирьясы. Тридцать глиотов в месяц. Дешевле ты вряд ли найдёшь. Разве что тюфяк в сарае.

– Спасибо.

– Надеюсь, я увижу что-нибудь, кроме бахвальства.

Айсан придвигает отложенную книгу и возвращается к чтению. На меня она больше не смотрит. Я тихо прощаюсь и отхожу. Айсан молчит. Лишь повернувшись, я чувствую между лопаток пристальный неодобрительный взгляд. Ей моя самоуверенность не по вкусу? Ну, извините, я не из тех, кто стесняется успеха. Или ей кажется, что я безответственно отнеслась к домашнему заданию? Названия книг и имена авторов лучше записать... Я отворачиваюсь к стеллажу, чтобы спиной прикрыть то, что я делаю, и мысленно призываю телефон. Девайс волшебным образом из ниоткуда послушного прыгает в руку. Экран приветственно вспыхивает. Как и обещал оператор, заряд полный. Что?! Я забываю про зуд и даже тру глаза. Вместо привычного значка вайфая горит непонятная закорюка, похожая на спираль. Неужели? “Опера” открывается, интернет работает. Забыв про всё на свете, я пытаюсь открыть соцсеть, но тут меня ждёт облом. Страница загружается, но вот войти не получается – выдаёт ошибку. В почту тоже не войти, снова ошибка авторизации. Значит, мне доступно только чтение. А я уж губу раскатала. Буду радоваться тому, что есть. За доступ в сеть я бы оставшиеся галиоты отдала без колебаний, а тут бесплатный бонус – шикарно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.